

С. ДИНАМОВ

ЮБИЛЕЙ ГЕТЕ И КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ ЗАПАД

У известных умов не следует
отнимать их идиотизма

Гете.

I

Всеобщий кризис капитализма с особой силой потрясает строй тех капиталистических стран, которые вышли побежденными из мировой войны. Германский капитализм, подписавший невыносимые условия Версальского договора, принявший планы Дауэса и Юнга, ныне уже не может выполнить принятых на себя обязательств. Всеобщий кризис капитализма раздробил основание плана Юнга. Рабочий класс Германии под руководством коммунистической партии самоотверженно борется против воплощения современного империализма—версальской системы, борется против «своей» буржуазии, ищет революционного выхода из кризиса. Юбилей Гете в этих условиях не мог не стать ареной классовой борьбы. Различные классы и партии стремились использовать юбилей как орудие классовой борьбы: для буржуазии великое наследство великого художника оказалось простым поводом к разнузданной пропаганде и агитации в защиту капиталистического порядка. Только рабочий класс, только коммунистическая партия, только передовые писатели-революционеры, как Ромен Роллан, подошли к Гете как к художнику, как к мыслителю, противостоя грязной, отвратительной торговле гениальным наследием Гете. Именно они подошли к нему без тенденциозности, стремясь вскрыть действительное содержание его произведений, подлинную сущность его творчества, настоящий смысл его творений.

Этот подлинно научный и подлинно объективный подход особенно резко выделяется на фоне той спекуляции памятью Гете, которую бешено развернули в Германии предприимчивые дельцы и ловкие коммерсанты.

Среди германской буржуазии перед юбилеем Гете наметились две тактики. Одна—устроить пышное празднество, показать величие Гете, чтобы скрыть карликовый уровень современной буржуазной культуры, представить Гете как национального гения и создать видимость полного единства интересов всех классов. Непосредственно с ней смыкалась другая линия, которая проскальзывала даже в прессе: обнаженно-циничное желание подзаработать на юбилее, привлечь иностранцев, пораспродать издания произведений Гете, оживить книжный рынок, наполнить пустующие гостиницы, усилить затухающие коммерческие обороты. Этому внешне противостояли те круги германской буржуазии, которые считали гораздо более выгодным экономически и политически отказаться от празднования

столетия со дня смерти Гете, тем самым превратить юбилей в демонстрацию протеста против версальской системы и поэтому опять-таки сплотить вокруг «национальных интересов» и повести за собой самые широкие слои германского народа. Последняя позиция была представлена журналом «Die literarische Welt».

В 1931 г. в этом журнале была напечатана статья «Следует ли праздновать гетевский год?»¹ Редакция спрашивала: а почему нужно устраивать какой-то гетевский год, всенародное торжество годовщины; «неужели у нас нет других забот?» Германия больше не думает о наследстве Гете; он не чувствуется в сегодняшнем дне, не ведет за собой, поэтому «не будет настоящего торжества», утверждала редакция. «Зачем же создавать фикцию гетевского праздника как праздника всенародного?»

Нельзя не согласиться с редакцией, что действительно современной буржуазной Германии Гете не нужен. Газета «Berliner Börsenkurier» провела анкету на тему: «Читают ли и покупают ли в Германии произведения Гете?»²

Оказалось, что шума юбилейного много, а самого Гете не читают. Владелец одной из больших библиотек на вопрос о спросе на произведения Гете с негодованием ответил: «У меня современная библиотека!» Это значит, что Гете у него заменен детективными романами и уголовщиной. Провинциальные книгопродавцы также ответили, что больше одного-двух экземпляров полного собрания сочинений Гете в год не продают.

Но вернемся к передовой «Die literarische Welt». Редакция призывает к молчанию, к демонстрации путем отказа от празднования юбилея. «В нашей бедности и нужде,—пишет редакция,—мы можем обойтись без нескольких лишних книг, тем более, что научные исследования вряд ли еще могут дать что-нибудь новое о Гете». Редакция пишет, что в школах все меньше и меньше читают Гете, и не удивляется этому, ибо основные, с точки зрения редакции, идеи мировоззрения Гете (космополитизм, пантеизм, гуманизм, почитание античной древности) одна за другой вытеснились из школы. Не нужно думать, что этот призыв к молчанию имеет пассивный характер. Нет, редакция призывает к воинственному молчанию, если можно так выразиться. «Нужно хотя один раз отбросить все компромиссы, в молчании встретились бы и враги, и друзья», читаем мы в передовой. Нужно успокоить нарастающий гнев широких масс, завязать их узлом внешнего единения, проявить внешние заботы об их благополучии, успокоить подачкой—вот смысл этого «заговора молчания». Отказ от празднования—попытка отпраздновать так, чтобы сгладить социальные противоречия. Отказ от празднования—попытка укрепить расшатанный ударами кризиса капиталистический режим, особая форма социальной демагогии. Именно поэтому призыв редакции не остался одиноким.

Крупнейший буржуазный писатель Якоб Вассерман поддержал предложение редакции. Празднование юбилея Гете—«это все равно, как если бы на чикагской бойне вдруг появился бы апостол зверей, чтобы со светлым вдохновением проповедывать бычачье евангелие»³. Зловещая аналогия! Даже Вассерману—этому реакционному художнику—буржуазная действительность кажется бойней. Якоб Вассерман против юбилея, ибо он—за безопасность. Он боится, что возвращение к Гете слишком обнажит буржуазную действительность. «Подобает только молчание. От какого-нибудь всенародного органа должно было бы выйти распоряжение,

#77

Figore Commissionis wird denen sämtlichen
 hiesigen unversessenen Buchhändlern und Buchdruckern
 des Reichs einverleihen, unter dem Titel:

Die Laide des jungen Werther &
 im Druck erschienen Schrift bey Zensur
 Egalis - Strafe, hienach, bei dem
 Verordnungs, und drücklich in besagter
 Sigl. Leipzig, den 30. Januar: 1775.

Sturfsüßl: Sächs. Bücher Commission
 allhier

Andreas Schreyer & Comp.

D. Carl Adolph B. L.

Im Rath zu Leipzig.

Запрещение „Вертера“ немецкой цензурой

Факсимиле постановления Саксонской Книжной Комиссии от 30 января 1775 г. о „безусловном“ воспрещении „всем здесь проживающим книгопродавцам и книгопечатникам продажи вышедшей в печати книги под заглавием: Страдания юного Вертера под страхом штрафа в десять талеров“

Государственный Архив, Берлин

приписывающее молчание. А он, Гете, несколько столетий подождет, у него время есть».

Рудольф Паннвитц вполне согласен с Вассерманом и доводит до логического конца его соображения. Паннвитц в ужасе. Он боится, что, опираясь на Гете, будут совершаться—о ужас!—«предательства и государственные измены». Ибо теперь воцарились «вместо человеческой нравственной культуры—политика, вместо индивидуальной человечности—социальное движение, вместо господства дворянства и патрициев—пролетаризация, вместо влияния запада и юга—смешение востока и севера»⁴.

Запретить юбилей—вот крик души прусского юнкера Паннвитца. Запретить, ибо свет гения Гете может осветить пропасть, в которую сброшено человечество капитализмом.

Гораздо скромнее ведет себя Р. Шрёдер; но именно с него начинается новая «эпоха» истории литературы. Оказывается, что юбилей нужно праздновать потому, что «наша хозяйственная разруха будет хоть в 1932 г. смягчена притоком иностранцев»⁵. Мир еще не знал подобной аргументации в защиту литературного юбилея, никогда и никто так не говорил

о великом писателе. Шрёдер—вот имя, которое отныне должно быть связано с именем Гете, ибо он, Шрёдер, выставил совершенно новый, блестящий и неожиданный, аргумент в пользу празднования юбилея.

Гораздо более сдержан другой защитник юбилея—известный буржуазный писатель Томас Манн. Он апеллирует к достоинству немцев. Он указывает, что даже такое «почетное» учреждение, как постоянная литературно-художественная комиссия при Лиге наций, решила почтить Гете—устроить свою весеннюю сессию во Франкфурте и целиком посвятить первое заседание Гете. Томас Манн польщен этим высоким уважением и мужественно выступает в защиту Гете⁶.

Томаса Манна прекрасно дополняет профессор Карл Фосслер. Если у Манна находятся торжественные, парадные слова, если он из своего прислужничества делает прекрасную позу, то Фосслер более скромн. Фосслер хочет получить от юбилея хоть какое-нибудь подобие успокоения: «Едва ли станет короче та ночь, в которой мы живем, если мы погасим и немногие оставшиеся у нас светильники»⁷.

Профессор Оскар Вальцель не верит в эти самые «светильники». Он даже думает, что окружающее столь неприглядно, что уж лучше бы их не зажигать. Он пишет, что даже в самом лучшем случае юбилей Гете мог бы натолкнуть на серьезные размышления и подчеркнуть, «как глубоко пало существо немецкого народа с той высоты, на которой некогда стоял Гете»⁸. Нельзя не согласиться с Оскаром Вальцелем. Буржуазия прошла после смерти Гете большой путь. Это был путь падения, а не подъема. Это был путь вниз, а не вверх. Дальше от Гете—ближе к концу.

Дискуссия, поднятая «Die literarische Welt», вызвала широкий отклик. В немецкой прессе появилось свыше 70 статей по этому поводу.

Любопытно высказывание Рихнера в «Kölnische Zeitung»⁹. Его аргументация в защиту юбилея прекрасно выражает настроения буржуазной Германии. Нужно использовать юбилей, чтобы добиться единства. Нужно показать миру, что Германия сохранилась, что ее культура есть «нечто высокое, светящееся, ценное для всего мира». Рихнер считает позором, что начинаются раздоры вокруг юбилея, ибо миру нужно показать целостную и спаянную Германию. Энгель в «Berliner Tageblatt»¹⁰ также выступает в защиту юбилея. Нужно же дать возможность безработным также почитать Гете и за этим чтением забыть свою нищету! Заткнуть миллионы голодных ртов одним Гете—вот основной смысл статьи Энгеля. Он конечно говорит от имени народа. Он конечно утверждает, что Гете нельзя отделять от Германии в целом. Но все это лишь маска. «Год Гете не делает Германию счастливой. Но она может быть несколько менее несчастной, чем была. Борьба за существование пойдет своим чередом, но годом Гете мы поднимем настроение». В этой концовке статьи Энгеля—ключ к пониманию той юбилейной шумихи вокруг Гете, которая была в Германии. Ослепить, поразить, создать видимость единства нации, успокоить миллионы безработных, попытаться выторговать кое-что у версальских победителей, показать «вечную» ценность буржуазной культуры и тем самым укрепить капитализм—вот основа гетевских торжеств.

Редакция «Die literarische Welt» однако не пошла на уступки. Заканчивая дискуссию, она заявляет, что попрежнему остается на своей точке зрения. Редакция «Die literarische Welt» развивает целую программу социальной демагогии. Нужно отапливать музеи, ибо в них теперь бывают

безработные; нужно увеличить часы работы библиотек, чтобы отвлечь безработных от их забот; нужно создать столовые при музеях—сюсюкает редакция,—чтобы подкармливать голодных посетителей¹¹. Это—программа социальной демагогии, ибо никакие мероприятия подобного культурно-просветительного порядка ничего не могут дать безработным и рабочему классу Германии. Разногласия этих двух буржуазных групп—это разногласия лишь по форме, а не по существу. Спор здесь шел в одном лагере, принципиальных разногласий нет. Речь идет лишь о том, как целесообразнее использовать Гете, чтобы укрепить шатающуюся буржуазную Германию. Это разногласия друзей перед лицом кризиса. Победила та группа, которая считала необходимым устроить широкий юбилей, привлечь внимание всего мира к Германии и подзаработать политически и экономически на гениальности Гете. Правда, призыв монархиста Паннвитца о запрещении юбилея был услышан социал-демократическим полицей-президентом Берлина Гржезинским. Он действительно запретил празднование юбилея, но только кому? Германской компартии. Товарищам Витфогелю и Лукачу не было дано разрешение выступить с докладом о Гете в марксистской рабочей школе в Берлине. Мотивировка: «гражданский мир в опасности», если Гете будет разбираться под углом зрения марксизма. Даже буржуазная «*Berliner Tageblatt*» изумилась подобному холуйству Гржезинского.

Итак Германия со всей торжественностью и подобающей пышностью отпраздновала юбилей Гете, но на фоне этой пышности невольно вспоминаются высказывания Шрёдера в «*Die literarische Welt*»¹². Шрёдер говорил, что было бы опасным делом отказаться от юбилея только потому, что достоинство празднующих юбилей весьма и весьма сомнительно. Шрёдер полагает, что можно праздновать юбилей и без этих достоинств. Так оно и вышло: пышности было много, торжественности также было в избытке. Вся Германия несколько дней якобы жила под знаком Гете, но действительного понимания творений Гете, серьезного отношения к нему заметно не было. Сотни речей, сотни книг, тысячи статей, бесконечное число заседаний и вместе с тем отсутствие подлинно научного подхода к художнику.

Невольно вспоминается юбилей 1899 г. (полтора года лет со дня рождения). Тогда один берлинский юморист Берг выступил с предсказанием, что юбилей породит массу всякой претенциозной и пустой литературы на такие «актуальные» темы, как «Гете и женщины», «Гете и евреи», «Гете и спорт» и т. д. и т. д.¹³ Предсказания Берга вполне оправдались. Были обследованы студенческие годы Гете, хотя и до этого все о них было известно. Появились статьи на тему «Гете и женщины», «Гете и музыка», в которых опять и опять пережевывались уже достаточно известные вещи. Нашелся один «ученый», который в отдельной брошюре пресерьезно доказывал, что Гете вовсе не был Гете, а что Шиллер за оказанные ему со стороны высокого сановника Гете услуги написал для Гете «Эгмонта», «Ифигению в Тавриде», «Торквато Тассо» и даже «Фауста». История повторилась и в этот гетевский год: вдова Людendorфа выступила с подобными же «разоблачениями» Гете.

Юбилей 1899 г. был примечательным по своей пошлости, но ему далеко до юбилея 1932 г. Пустота буржуазной идеологии сильно выросла за эти 33 года. Империалистическая буржуазия стремительно идет к еще более пошлomu, к еще более циничному отношению к своим великим людям.

В теперешний гетевский год в десятках книг, в сотнях статей всячески «обследуется» личная жизнь Гете. Все усилия их авторов направлены на то, чтобы представить Гете как человека, семьянина, любовника, мужа, сановника, даже домохозяина. Поистине блестящая эрудиция! Какое потрясающее знание счетов прачечных, оплаченных Гете, его приходно-расходных книг, его любовных переживаний, интимной разницы между Христианой Вульпус и баронессой Штейн обнаруживают эти авторы! Пауль Кюн написал целые два тома «Женщины вокруг Гете. Переживания и признания»¹⁴. Губен в серии тех же «переживаний и признаний» 230 страниц посвятил Оттилии фон Гете¹⁵. Альфонс Паке написал особый очерк на тему «Советница Гете и ее окружение»¹⁶. Вильгельм Шеффер подзаялся домом, в котором жил Гете, точно это может хоть сколько-нибудь приблизить к пониманию произведений великого писателя¹⁷.

Каждый из этих авторов побивал рекорды другого, но пальму первенства нельзя не отдать изящному Фарну-Рейно, который в «L'Ordre» 22 марта открыл наконец тайну величия Гете. Оказывается, что «величие Гете заключается не в его трудах, а в невероятно гармоничном сочетании всех свойств человека»¹⁸. Итак, нечего изучать труды, дело не в них. Неважно, что написал Гете, а важно, как он жил. Но из всей жизни Гете Фарну-Рейно выделяет, так сказать, главное звено, ведущую линию—отношение к женщинам. Вот где, оказывается, скрывается тайна величия Гете! «Нельзя изучать Гете, не учтя влияния женщин на него». «Великий мыслитель был великим любовником и жил под знаком женщины. Что стало бы со звездой Гете без подвязок Фридерики Брион, мадам де Штейн и Христианы Вульпус?» Мы отдаем должное знаниям Фарну-Рейно. Мы с истинным восхищением ощущаем его тонкую эрудицию, когда он говорит о белых руках Катерины Шопкопф или объятиях Христианы Вульпус. Мы готовы поверить, что господин Фарну-Рейно получил специальное образование для познания сих тонких областей. Но мы не понимаем, какое это имеет отношение к Гете-художнику и почему именно через анализ объятий Христианы Вульпус нужно подходить к «Фаусту» или к «Эгмонту»?

Но даже Фарну-Рейно не побил рекорда пошлости. Этот рекорд устанавливает Пфлук, обследовавший такую серьезную творческую проблему, как «Очки в гетевскую эпоху»¹⁹, и некий доцент Берлинского университета, написавший диссертацию на тему... «Зубы Гете»²⁰.

Нельзя не вспомнить слов Франца Меринга, которые он сказал 50 лет назад: «Забота о памяти Гете оставалась в руках педантических филистеров. Готфрид Келлер, которого не без основания называют швейцарским Гете, однажды писал по этому поводу: «В культе Гете есть особый вид ханжества, который поддерживается действительными, а не представляющимися таковыми филистерами, профанами. Во всех разговорах господствует священное имя, всякая новая статья о Гете встречается аплодисментами, его же самого не читают. Такое состояние отчасти превращается в трусливую глупость, но, с другой стороны, как и религиозное ханжество, оно служит для прикрытия различных человеческих слабостей, которых не следует показывать». «Всякий, кто хоть немного знаком с литературой последнего поколения о Гете, подпишет этот суровый, но справедливый приговор»,—так заканчивает Меринг. И эти слова Меринга вполне современны и свежи: счета прачек за

Jungem Leichte aller Art,
Süßlich: süßem, schmecklich: garten,
Auch ungeschmacktem Kocher —
Sind in einem Distelstiel.

Dieser Distelstiel sei gelblich:
In einem süßem, zu gelbem
Din, als auch ein bester Genuss,
In dem besten Bier der Welt.

Wimmel f. 11. Aug. 1831.

J. G. Goethe

стирку белья Гете и те оказались изученными; вытащили всяких давно умерших людей, имевших хотя бы самое незначительное отношение к Гете. «Kölnische Zeitung» например отдала свои страницы никому ненужной статье «Забытый кузен Гете»²¹. Графиня София фон Арним произвела на свет под покровительством «Общества имени князя Пюклера» книжечку «Гете и князь Пюклер»²² только потому, что оный Пюклер имел встречу с Гете. Вместе с тем только «Rote Fahne» указало еще 24 января 1932 г., что действительные наследники Гете полностью забыты буржуазной Германией²³. «Прямые потомки Гете,— пишет газета,—живут в Вене очень бедно и принуждены отдать своих детей общественному призрению». Правильно указывая, что венский Гете не имеет прямого отношения к гетевским произведениям, «Rote Fahne» считает позором, что единственный прямой потомок Гете находится в таком положении.

Конечно есть кое-что и ценное в потоке литературы, появившейся в гетевский год, но и это ценное буквально затоплено волной макулатуры, это ценное ни в какой степени не определяет основного тона. Такого наводнения «научной» пошлостью давно не было. Настоящее лицо буржуазной культуры здесь открывается с исчерпывающей полнотой, загнивание класса выражается здесь с такой очевидностью, что никакие торжественные речи, никакая пышность не могут скрыть то, что буржуазная мысль оцепенелая стоит перед сверкающими произведениями Гете, что культура скована, растлена и порабощена капитализмом.

В «гетевском годе» ясно обнаруживается еще одна линия—это желание «подработать» на юбилее. Книгоиздательства, железнодорожные компании, отели, домовладельцы, колбасники и булочники—все они непрочь подправить на Гете подкошенные кризисом дела.

Как сообщает газета «Kölnische Zeitung»²⁴, железнодорожное общество посылает всем организациям листки с приглашением посетить Германию по поводу гетевского года. Эти приглашения украшены изображениями Гете, окруженного... ангелочками!

Булочник Шмидт выпустил в продажу кондитерские изделия под названием «косички Гретхен», украсив их не только портретом Гете, но и своим собственным!

Почитатели Гете имеют возможность сморкаться в особые гетевские носовые платки, выпущенные фирмой Тиц. Бомбоньерки, вазы, тарелки, пудреницы, мыло, трости, окорока,—все это идет под маркой Гете, все это изрядно поднимает дела предприимчивых почитателей Гете.

Австрийские домовладельцы также решили почтить великого художника. В своем органе «Haus und Grundeigentum» они пишут: «23 марта празднует немецкий народ столетнюю годовщину смерти великого человека. Мы, домовладельцы, должны особенно чествовать Гете. Он не только сам был домовладельцем и своими усилиями украсить и улучшить свой дом на Францплатц должен нам служить образцом, но он рассматривал домовладение как символ буржуазной культуры»²⁵. Отныне можно выжимать квартирную плату под знаком Гете! Отныне можно выбрасывать безработных из квартир во имя Гете! Отныне можно наводить трепет на неисправного плательщика, опираясь на автора «Фауста»! Вперед, домовладельцы! Выше держите ваше знамя! Но будет все же спокойнее, если вы не будете читать Гете.

Von der Blüte zu dem Früchte,
Allerley Naturgeschichten,
Sagen sind für Dammes Jugend.
Loblich ist es nun Wurzeln zu geben;
Dann, zum follen Frucht zu geben,
Platzten alle Erdens, Frucht

Von dem Früchte zu dem Blüte
Nimm als erden als erden;
Dann Frucht von solchem Geben
Doch sie sind in Luz gegeben.
Wie das sind Frucht zu geben,
Dann für Frucht zu geben.
Frucht

Wimmer
c 3 Nov
1831.

M. J. G. G.

II

Юбилей Гете проходил под знаком глубочайшего кризиса для значительных слоев мелкобуржуазной интеллигенции Германии. Не разделяя торгашеского цинизма всякого рода дельцов, стремившихся подзаработать на юбилее, не становясь на позиции фашистской критики, беззащитно зачислившей Гете в ряды фашистов, эта интеллигенция пыталась найти в наследии Гете твердую опору, на которую можно было бы опереться в эти дни, дни всеобщего мрака и уныния, для тех слоев, которые кризис капитализма воспринимают как кризис человечества.

Показательной является речь известной писательницы Рикардо Гух, произнесенная во Франкфурте при передаче Гетевской премии²⁶. Писательница отмечает, что Гете становится чуждым современной германской молодежи, что она к нему равнодушна или даже враждебна, но что рано или поздно к Гете придется вернуться, ибо он «лучшее воплощение немецкого мышления и немецкой сущности».

Другой, еще более видный немецкий писатель—Генрих Манн—в своей статье в «Berliner Tageblatt» стремится также найти связь между Гете и современностью, в которой так мало великих и сильных личностей, которые кажутся писателю ничтожными по сравнению с величием прошлого, когда жил и творил Гете. Манн кончает статью следующими словами: «Мы празднуем память Гете в момент умственного одичания. Он его хорошо знал, потому что умел ненавидеть и принужден был все время бороться. Мы празднуем его также потому, что нам необходимо надеяться, что он еще к нам вернется»²⁷.

Надежда—прекрасное слово. Но какой мрачной выглядит она, когда становится принуждением! Слова Манна о необходимости надежды—это слова отчаяния и безнадежности.

Третий видный немецкий писатель—Гергардт Гауптман—выступил с не менее любопытным признанием по поводу Гете (речь его в университете «Колумбия» в Нью-Йорке, переданная в Германию по радио)²⁸. Гауптман оговаривается, что он не философ, не оратор, не историк литературы и не филолог. Гете ему нужен как соотечественник, на которого можно опереться теперь, протянув руку через столетие: «Если бы Гете жил и сейчас, он стал бы опять нашим великим вождем. За столетие, истекшее после его смерти, многие грезы человечества стали благодаря неустанному развитию техники действительностью. Но мы все-таки разочарованы и тяготимся жизнью. От этого разочарования Гете освободил бы нас».

Как же можно освободить человечество от разочарования и усталости? «Путем добра, великодушия и правды», отвечает Гауптман, повторяя слова Карлейля, сказанные им на смерть Гете.

Мелкобуржуазные иллюзии Гауптмана видны в этом искании правды вообще, великодушия вообще, добра вообще.

Культура сама по себе не может дать никакого выхода. Никакой самый торжественный юбилей не может спасти капитализм, но создается иллюзия снятия противоречий, иллюзия решения проклятых вопросов.

Слова этих трех писателей—это слова десятков, сотен журналистов, критиков, ораторов, доцентов, профессоров, которые раздавались в Германии в дни юбилея. Говорили о Гете—думали о кризисе. Говорили о величии произведений Гете—пытались сохранить то, что есть и что никак не может быть названо великим.

Следует отметить статью Рейнхардта Геринга в юбилейном мартовском номере «Die Literatur»²⁹. «Гете был последним большим, зрелым плодом на дереве Западной Европы»,—такими словами сожаления о прошлом открывается эта статья. Геринг видит, что столетие после смерти Гете было столетием все усиливающегося кризиса буржуазной культуры, когда на иссохшем дереве этой культуры уже не появлялось больше плодов, подобных чудесному гению Гете. «С тех пор мы живем в непрекращающемся кризисе, смысл которого в том, что весь плодоносящий организм меняется. Другими словами: западное человечество меняется, и после совершения этой перемены оно как целое будет стоять в отношении к своему миру и к прошлому несомненно иначе, чем до того».

Очень неясно высказывает здесь свои мысли Геринг. Но он не может не видеть перемен, он не может не ощущать кризиса всей системы капитализма, он не может не видеть этих страшных теней страшного заката. Для него Запад охвачен «великим чувством прощания». «Вещи, институты, люди, которые в течение веков были глубоко уважаемы и любимы, которые жизнь пробуждали и жизнь разрушали,—со всеми этими вещами нужно расстаться навсегда».

Эти перепевы шпенглериянства в связи с юбилеем Гете конечно не случайны. Именно при подъеме к вершине буржуазной культуры, которой был Гете, становится ясным все глубокое падение этой культуры в эпоху империализма. Этого не могут не видеть даже буржуазные критики и ученые, жмурящиеся при взгляде на ослепительный свет прошлого. Геринг сознает, что это прошлое уже не вернется. Он прощается с ним. Но класс, у которого только прошлое без будущего, а будущее—смерть, неизбежно должен возвращаться назад и там искать опору для сегодняшнего, такого взметенного и непокойного. Так и с Герингом: прошлое нельзя вернуть, но он опять и опять возвращается к нему. Он хочет, хотя бы через Гете, попытаться взять из ушедшего такие элементы, которые остановили бы судороги гибнущего строя. И он создает миф о том, что рождается новый человеческий вид, новая человеческая порода, новые люди, которые смогут быть может спасти это общество:

«На этой шатающейся почве все становится бессмыслицей и вместе с тем приобретает глубочайший смысл, но слишком уже поздно. Тут даже не отдельный человек, а все человечество брошено в тигель, предсказать же результат этого плавления нельзя. Ибо все, что сказано, будет сказано на языке старого мира и благодаря этому искажено дыханием заката. Мы—люди, народы—стоим в этом потоке становления так же бессознательно, как вон то дерево за моим окном, над которым приговор вида произнесен, но который ни об этом приговоре, ни о его совершающемся исполнении ничего не знает».

Вся статья Геринга пропитана сознанием глубочайшей катастрофы. Жизнь он ощущает как смерть. Он судорожно цепляется за Гете, чтобы сохраниться и сохранить, скрепить расшатанные устои современности величием прошлого.

Приведенные нами высказывания представителей мелкобуржуазной интеллигенции отличаются от национал-фашистских установок в отношении Гете и ура-патриотических речей. Гете для них—это огромная культурная ценность, они стремятся утвердиться на тех высотах мышления, на

которые поднялся Гете. Они с благоговением относятся к гению Гете, они не превращают его наследство в предмет рыночного обращения, в товар, в средство для пропаганды самой черной реакции. И здесь— зерно конфликта этих слоев с капиталистическим строем. Их благоговейное почитание Гете противоречит торгашескому отношению к нему со стороны капиталистической прессы и торгово-промышленных буржуазных предприятий и учреждений. Их стремление осмыслить духовные ценности, созданные Гете, находится в противоречии со стремлением превратить Гете в фашиста, католика, реакционера, соратника Бисмарка и Гитлера, прямого представителя французского империализма или итальянского фашизма.

Эти писатели и критики находятся в плену мелкобуржуазных иллюзий, они еще верят в вечные надклассовые истины, в общечеловеческие культурные ценности, они проходят мимо той ярмарки, которую устроил «в честь» Гете буржуазный мир, мимо той грязной возни с наследством Гете, которую подняли империалистические литераторы. Только слепой может не видеть, что юбилей Гете разоблачает капитализм, что он раскрывает его враждебность настоящему искусству, подлинной культуре. Зловещие трупные пятна разложения покрывают культуру буржуазии. Класс, себя переживший, класс, обреченный на гибель, только так—по-торгашески, грубо-утилитарно—и мог подойти к Гете. Это увидел Ромен Роллан. Его прекрасная статья о Гете ³⁰—это удар по старому миру, это призыв к тем, кто еще не смог понять, кто колеблется встать на революционные позиции, кто не хочет поддерживать умирающий строй—уйти от него и бороться с ним.

III

В 1919 г. в Берлине вышла чрезвычайно любопытная книга «Между Гете и Шейдеманом» Иосифа Буххорна ³¹, автора многочисленных сборников гимнов, романов и брошюр вроде: «Я и пруссаку», «Быть студентом; когда цветут фиалки», «О Германия, родина», «Черно-бело-красное». Это типичный прусский юнкер, вообразивший себя писателем.

Данная книга является плодом впечатления автора от конституционных торжеств в Веймаре в 1919 г., когда была принята теперешняя германская конституция.

Буххорн, видя крушение династии Гогенцоллернов, в диком ужасе от разразившейся революции принимает даже Эберта и Шейдемана за революционеров и противопоставляет миру хаоса и беспорядка творчество Гете. Да, Гете конечно не был художником революции, но тот портрет который дает Буххорн,—это фантастическая, дикая карикатура на Гете, ибо он изображает его как аристократа, империалиста, контрреволюционера и т. п. Не Гете, а один из генералов Вильгельма! Эту забытую книжечку не мешает вспомнить и теперь, ибо очень многое из этих фантазмагорий Буххорна возрождено было в дни юбилея. Прямо непонятно становится, чем же Гете отличается от любого Джека-потрошителя в генеральской форме, когда читаешь фашистскую националистическую прессу! ³² А ведь именно Гете принадлежат слова: «патриотизм развратил историю». И он же сказал: «Я сочувствую прямому восстанию против неправой власти... Я только буду наблюдать со всем возможным вниманием, какую приобрету перспективу, когда будет убран старый забор».

Самые разнообразные средства были пущены в ход, чтобы доказать духовное родство Гете с современным фашизмом. Способы привязывания Гете к современной буржуазной Германии были самыми разнообразными.

«Vossische Zeitung» например обнародовала архивные изыскания о том, как Гете был избран в члены прусской Академии наук. Сам Гете даже не отметил нигде этого отрадного факта: слишком тревожное было время (лето 1806 г.). Но «Vossische Zeitung» занялась этим вопросом не потому, что Гете был избран членом Академии, а потому, что вместе с ним был избран лейпцигский профессор математики Гинденбург, предок теперешнего президента Германской республики. «Vossische Zeitung» возрадовалась этому историческому событию, придав случайности характер символа: «Нам, современным людям, особенно многозначительным должно казаться тесное соседство двух великих (!?) немецких имен: Гете и Гинденбург. Близится день, когда исполнится сто лет со дня смерти Гете, и который, мы надеемся, принесет нам Гинденбурга как главу государства».

Особый смысл в этой связи приобретает телеграмма Гинденбурга к столетию Гете: «Многоуважаемый господин министр. Я чувствую необ-

ГЕТЕ НА ПРОГУЛКЕ

Рисунок карандашом Фридриха-Вильгельма Римера
(Веймар, около 1810 г.)

Goethe-Nationalmuseum, Веймар

ходимость Вам как председателю Веймарского общества чествования Гете, а через Вас и населению города Веймара передать мое глубокое сожаление, что благодаря сложившейся политической обстановке я не мог последовать приглашению Тюрингского правительства и возложить на могилу великого немецкого писателя венки немецкого народа. Мои пожелания касаются не только внешней стороны празднования. Да объединит 22 марта всех немцев, находящихся вне наших границ, на воспоминании об их великом прошлом, да изгонит 22 марта раздирающие споры, напомнив об единой культуре и народности, и пусть даст нам надежду на лучшее будущее, ради которого мы, наперекор всем превратностям судьбы, хотим сохранить государство, народ и также немецкое искусство»³³.

Эту мысль подхватил некий доктор Рудольф фон Кампе, который очень старательно доказывал в статье «Гете-немец»³⁴, что Гете был самым чистокровным немцем-патриотом и что поэтому он близок по своей идеологии к Бисмарку.

Еще более развернуто «доказывает» это Гарри Майнк в своей речи «Гете и Бисмарк», произнесенной 18 января в Марбургском университете³⁵. Свое выступление в Академии Майнк начал с того, что взял быка за рога и сразу же произвел Бисмарка в Гете, а Гете—в Бисмарка: «Над нашим торжественным собранием возвышаются два великих имени не только Германии, но и всего мира: Гете— глава немецкой духовной жизни—и Бисмарк—основатель нашего государства и величайший государственный деятель всех времен». По Майнку выходит, что дела Бисмарка являются выражением творчества Гете, а мысли Гете связаны с делами Бисмарка. Майнк прибегает даже к помощи своей худосочной фантазии, чтобы наиболее убедительно доказать свой явно неубедительный тезис о родстве Бисмарка и Гете: Майнк утверждает, что если бы Гете имел счастье дожить до Бисмарка, то он бы считал последнего, как и Наполеона, «демоническим» явлением мировой истории.

Майнк утверждает, что родство душ Бисмарка и Гете доказывается еще и тем, что оба они служили «не только вечности, но и насущным потребностям. Они одинаково служили как богу, так и своему государству. Каждый из них соединил в себе и Прометея, как борца реального дела, и Эпиметея, идеалиста и фантазера, и наконец оба они шли впереди эпохи».

Установив подобным нехитрым способом полное единство Гете с Бисмарком, Майнк взывает к Германии: «Берите пример с Гете и Бисмарка и действуйте по их образцам». Плохи очевидно дела поклонников Бисмарка, если им приходится идти на явный подлог, на явную фальсификацию истории, на явное уничтожение действительного Гете, чтобы предлагать Бисмарка в качестве образца для подражания. Но Майнк не ограничивается отмеченными выше подвигами. Этот рыцарь Бисмарка, как боевой конь, рвется к дальнейшим победам. Он ставит для науки «грандиозную» задачу «органического слияния Веймара и Потсдама как воплощения мирового и государственного чувства. Этот синтез недоступен как формула, но тем более необходим как идеальное требование оттого, что мы от его выполнения, к сожалению, еще далеки».

Развернув перед наукой подобные ослепительные горизонты, поставив перед ней столь «высокие» цели, этот умственный карлик продолжает свое крикливое шествие. Он мужественно и храбро призывает к борьбе с коллективизмом и новыми учениями (читай: с марксизмом и коммунизмом).

Поднимая самого себя за довольно длинные уши и потрясая мечом пошлости, Майнк кончает свою речь призывом защищать буржуазную Германию под знаменем Гете и Бисмарка: «И поражение может вести к победе. Пруссия-Германия в тяжелые времена стояла выше всего и возмещала потери материальными духовными приобретениями. Гете и Бисмарк ведут наш народ вперед, как спасительные духи. Давайте развивать, сохранять и культивировать то, что нам создали и оставили эти великие люди, о которых мы сейчас вспоминаем, полные любви и благодарности: немецкое государство и страну Гете, государство того и другого мира, государство улиц и звезд. Это двойное государство, которое в то же время едино,—это государство должно нам остаться».

Мюнхен не уступает Марбургу, и Эрнст Шрумфф издает в этом городе брошюру «Национальный Гете»³⁶. Как сообщает «Bayrische Staatszeitung», Мюнхенский союз писателей и журналистов слушал Шрумффа, читавшего эту книгу сначала в виде доклада, с необычайным восторгом и затаив дыхание. «Этим докладом Шрумфф оказал великую услугу родине и немецкому народу», заявляет газета.

Если мы обратимся к этой «великой услуге» и познакомимся с ней, то окажется, что перед нами явный и очень ловкий фальсификатор. Подбирая отдельные высказывания Гете, не ставя их в кавычки, добавляя к ним свои собственные измышления, Шрумфф превращает эти тексты Гете в проповедь самого отъявленного шовинизма и черносотенства.

Этот способ фашистского литмонтажа показывает, до какого глубокого падения дошла современная буржуазная мысль, не останавливающаяся перед явными подлогами и извращениями важнейших фактов истории культуры и литературы. Книга наполнена грязными ругательствами по адресу «революционной черни». И подобную омерзительную чепуху слушали «затаив дыхание»!

Но фашист Шрумфф не остается одиноким в этих своих грязных манипуляциях с наследством Гете. Ему помогают очень многие авторы книг и статей о Гете.

Таким помощником например является Вольдемар Эльке, написавший брошюрку «Назад к Гете, ибо он наш» (Берлин, 1932 г.). Как и Шрумфф, этот фашистский «критик» действует очень просто. Он выбирает у Гете наиболее подходящие цитатки, безжалостно кромсает тексты, добавляет собственные измышления, сдабривает все это приподнятой националистической патетикой и фашистскими лозунгами. «Германия превыше всего, ибо в ней жил Гете»—вот основная мысль брошюрки Эльке, с величайшим презрением говорящего о всех других народах, у которых не было Гете. Большого идиотизма быть не может. Книжечка кончается призывом к действию, при чем, если принять во внимание фашистскую идеологию автора, то смысл этого действия совершенно очевиден. «Поэтами Германия не бедна,—говорит автор на последней странице,—но Гете для нас нечто большее, чем просто немецкий поэт. Перешагнув через «подобие» преходящего, он ведет нас к недоступному, к действию. Это действие нужно нам прежде всего, так как мы одного с ним племени, каждый сам по себе. Поэтому он 22 марта 1832 г. не умер. И поэтому—назад к нему, ибо он наш».

Перекликается с Шрумффом и Эльке Гундольф в работе «Детство Гете» (Берлин, 1932). Гундольф тоскует по новому человеку, который сумел бы справиться со всеми затруднениями, стоящими перед современной

Германией, который сумел бы подняться выше «русской (?) и американской паники». «Нужен человек свободный, духовно выросший, имеющий мужество жить». Неопределенность этого заявления Ф. Гундольфа не является конечно случайной. Определенность опасна, ибо если будешь раскрывать эти туманные образования словесных рядов, то увидишь, что Гундольфу нужен терпеливый, выносливый, покорный, мужественный немец, который бы спокойно выносил любую тяжесть репараций, налогов, кризиса и т. п. Ф. Гундольф показывает, как умело можно использовать даже такую «нейтральную тему», как детство Гете.

Вильгельм Виллиге в своей книге «Гете. Очерк его духовной сущности» (Веймар, 1932 г.) ставит себе не менее определенные националистические цели. Нет никакого смысла останавливаться на мыслях уважаемого В. Виллиге, ибо таковые отсутствуют в этой книге. Нет никакого основания искать что-либо новое в этом, с позволения сказать, «научном труде». Какой смысл например в таких ораториях, как «Гете мог всегда как в малой, так и в большой звезде переживать божественные красоты нашего мира и тем приобрел этот возвышенный покой и просветление, которое является характерной чертой последней трети его жизни».

Не в этом смысл книги Виллиге. Стержень ее в том, что Виллиге пытается поднять «дух» немецкого народа, пытается сплотить разрозненные части в одно целое, чтобы под этими призывами к борьбе, к освобождению, к труду еще крепче затянуть петлю смирения на шею трудящихся Германии. Вот простой тезис этой философии: «Немцы показали, что они умеют умирать. Теперь им нужно показать, что они умеют воскресать».

Воскресни, рабочий, чтобы умереть за немецкую буржуазию! Очевидно именно это нужно нашему уважаемому автору. Но только книга так скучна и так безнадежно бессодержательна, что вряд ли ее прочел кто-либо из людей, которых стремится обмануть Виллиге. Туманный смысл глупостей Виллиге становится более ясным, если мы обратимся к одной из статей журнала «Die Literatur». Близкий к этому мотив звучит в статье: «Гетевский год в силу особых обстоятельств современного момента вдруг получил новое содержание, стал новым лозунгом. Это—лозунг спасения и укрепления духовной ценности германской культуры»³⁷.

Редакция журнала вспоминает, как в столетие годовщины со дня рождения Шиллера (1859) стремление немцев к единению выразилось в «Национальном союзе», и ставит задачей юбилея создать союз имени Гете. Это должен быть союз для сохранения культурных благ, основанный повсюду людьми, сознающими свою ответственность. В каждом местечке следует основать, так сказать, духовные парламенты культуры, чтобы противопоставить обесцененным духовным ценностям некое «место совести», которые смогли бы помочь немецкому народу.

Не менее откровенно пишет Вальтер Линден в своей книге «Гете и немецкая современность»³⁸. Книга во многом повторяет уже известные нам материалы о Гете. В ней отрицается гармоничность и олимпийство Гете, писатель вместе с тем старательно ретушируется под современного бюргера, снабженного всеми чертами эпохи всеобщего кризиса. Гете в этой книге выглядит таким же ущербленным и ущемленным, как немецкий буржуа.

Когда читаешь эту книгу, то становится непонятным, как же такой Гете мог написать «Фауста»? По Линдену, Гете учит современных нем-

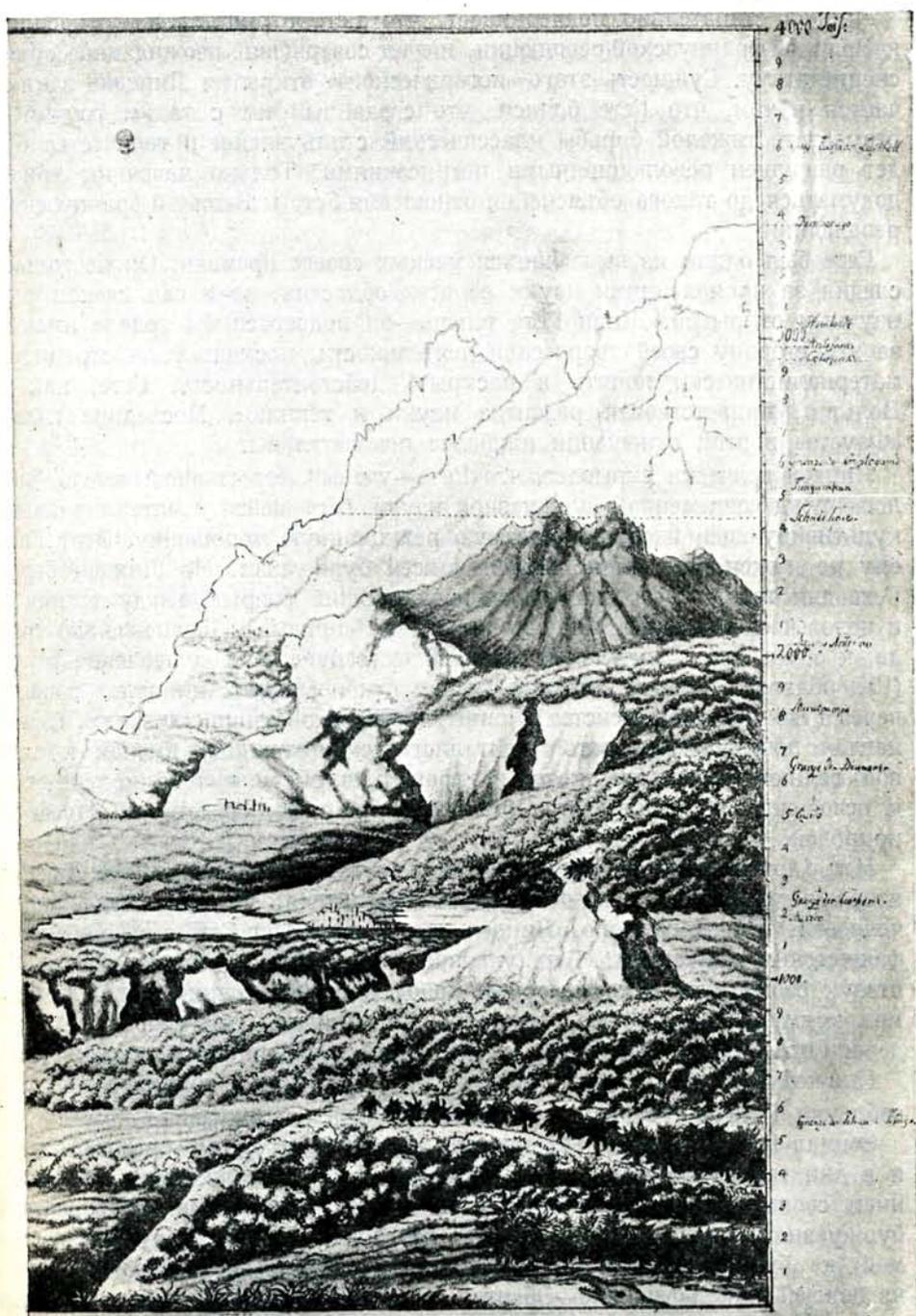

Рисунок Гете
Схематическое изображение растительных и горных зон
Goethehaus, Веймар

цев самоограничению, ибо без этого они, как и Тассо у Гете, должны погибнуть. Самоограничивайтесь, немцы, во славу Гете, для спасения капитализма!

Линден старательно подчеркивает, что Гете отрицательно относился к Великой французской революции, и дает совершенно неожиданное объяснение этому. Сущность этого «исторического» открытия Линдена заключается в том, что Гете боялся, что созданный им с таким трудом в результате тяжелой борьбы классический стиль жизни и творчества будет разрушен революционными потрясениями. Только лавочник может додуматься до такого объяснения отношения Гете к Великой французской революции!

Гете был одним из выдающихся ученых своего времени. Он не только следил за проявлениями науки во всех областях, но и сам сделал ряд научных открытий. Живи Гете теперь—он подвергся бы травле именно за эту сторону своей творческой деятельности, поскольку он стремился материалистически понять и раскрыть действительность. Гете, как и Вольтер, приветствовал развитие науки и техники. Последние главы «Фауста» в этом отношении наиболее показательны.

Линден всячески скрывает, что Гете—ученый, естествоиспытатель, биолог—чужд современной буржуазной науке, борющейся с материализмом, культивирующей идеализм и самую реакционную поповщину. Этот Гете ему не нужен, как он не нужен и всей буржуазии. Но Линден берет Гете для того, чтобы уничтожить «ужасающий разрыв между техникой и человеческой душой». Он слышит у Гете «призыв к одушевлению труда, к обновлению деятельной души общественности». Одушевление труда (!!), облагораживание техники—какая откровенная и циничная защита через Гете ужасающей системы капиталистической рационализации, какая наглая попытка оправдать капиталистическую технику именем и славой великого писателя, который правильно видел в технике средство к освобождению человечества от власти природы, средство к борьбе с природой!

Нет, о другой технике, о другой науке, о другом труде говорил Гете! Линден извращает действительный облик Гете—мыслителя, ученого, художника, человека. Но этого мало. Линден прямо связывает Гете с современным фашистским движением. «Гете, учащий закономерному действию, нашел бы отзвук своих идей в современном молодежном движении». Не о движении коммунистической молодежи говорит Линден,—он говорит о молодежи Гитлера. Но что общего между этими молодчиками и гением Гете?

Книжечка В. Линдена—циничный и откровенный документ приспособления Гете к требованиям фашизирующейся буржуазии.

Социал-фашисты с честью конечно несли свое знамя предательства, и в дни гетевского юбилея они ни в чем не отступали перед выполнением своих высоких обязанностей агентуры капитализма. Ведь основа буржуазного правопорядка, правда, все более и более нарушаемая самой же буржуазией,—Веймарская конституция—была освящена одним из вождей социал-фашизма—Эбертом—именем Гете. Эберт заявил в 1919 г. на национальном собрании:

«Теперь дух Веймара, дух великих философов и поэтов, должен снова наполнить нашу жизнь (здесь стенограф отмечает аплодисменты немецкой демократической партии). Мы должны обращаться с великими общественными проблемами в духе того, как они были взяты

Гете во второй части «Фауста» и «В годах странствия Вильгельма Мейстера»: не уноситься в бесконечность и не расплываться в теориях, не колебаться и не медлить, но с ясным взглядом и твердой рукой взяться за практическую жизнь»³⁹.

Мы знаем эту «практическую жизнь» социал-фашизма. Неужели имеют что-либо общее с духом Гете кровавые псы империализма—Носке, Шейдеманы, Гржезинские и Эберты? Расстреливая революционных рабочих, с бешеной ненавистью относясь к Советскому союзу—отечеству трудящихся всего мира,—обманывая тех рабочих, которые еще не осознали своих классовых интересов, и делая их послушными рабами существующего строя, защищая не за страх, а за совесть интересы «своей» буржуазии, социал-фашизм снова доказывает, что он есть левая фракция фашизма, послушное и верное орудие буржуазии. Ни одна из социал-демократических газет в Германии ни одного слова не нашла в дни юбилея, чтобы показать рабочему классу, как нужно пролетариату относиться к великому наследию Гете. Наоборот: гетевский юбилей был использован для того, чтобы еще успешнее обманывать рабочий класс и интеллигенцию. Вот один пример. Социал-фашистские и «демократические» руководители «Союза германских писателей» дали директиву: «Говорить только о гетевском юбилее, но не о нужде писателей». Когда левая группа в 600 человек ослушалась этого приказа, она была исключена из союза. «Vorwärts» в дни юбилея писал о чем угодно: о торжественных приготовлениях буржуазной Франции, которая выглядела на страницах этой продажной газеты, как невинная овечка, о медалях, выбиваемых в честь Гете, о торжествах в Веймаре, о болезнях Гете (какая серьезная тема!), об открытках в честь Гете, но ни единого слова не было о том, что именно юбилей Гете подчеркивает всю глупину разложения буржуазной культуры, что именно обращение к великим именам буржуазного восхода особенно очевидным делает весь мрак капиталистического заката.

«Vorwärts» издается уже десятки лет. Полезно поэтому обратиться к тому, как «Vorwärts» оценивал Гете раньше. В № 209 за 1899 г. газета отмечала сто пятьдесят лет со дня рождения Гете. В статье есть сравнение Лессинга и Шиллера с Гете, при чем симпатии целиком на стороне Шиллера, оценка Шиллера и Гете Марксом совершенно не принимается в расчет. Мотивировка этой симпатии совершенно нелепая:

«На первый взгляд совершенно ясно, что между великанами классической литературы Гете никак не может считаться наиболее близко стоящим современному пролетариату. Гораздо ближе пролетариату Лессинг и Шиллер, потому что они происходили из угнетенных классов и в их произведениях звучат громче и яснее боевые призывы буржуазной революции, а в складах сердца бессознательно дремала пролетарская революция» (??). «Vorwärts» в 1899 г., как и теперь, совершенно не бичует филистерство современной буржуазии, тогда как именно на примере Гете, также отдавшего дань филистерству, это можно было прекрасно сделать. Руководящий орган германской социал-демократии явно не хочет по-революционному подойти к Гете,—он берет его культурнически. Верная мысль, что именно пролетариат является наследником Гете, лишена революционного содержания, выхолощена, превращена в нечто сугубо беспартийное и нейтральное: «Немецкий пролетариат не разделяет точки зрения Берне, который называет Гете рифмованным

рабом, как Гегеля нерифмованным рабом. Как ни необходима была борьба с односторонним эстетизмом, укрепившимся в нашей классической литературе, она все-таки в настоящее время уже превзойдена. Уже давно установлено, чем современная культура обязана классикам; они оставили за собою неизмеримое наследство, и это наследство в первую очередь принадлежит рабочим. В то время как немецкая буржуазия безмерно восхваляет на словах своих великих мыслителей и поэтов, она фактически на каждом шагу порицает их по существу. И, наоборот, немецкий пролетариат без всяких уверток отрицает все мелкое в классических учениях и творчестве и в то же время он все бессмертное в них спускает с заоблачных высот для реализации в практической жизни».

Так немецкая буржуазия почтила память Гете. Так было произведено беспрецедентное в истории мировой культуры издевательство над одним из величайших писателей мира. Одним из основных принципов концепции Маркса-Энгельса-Ленина о капиталистической культуре является утверждение, что капиталистический способ производства враждебен «духовному производству». Проведение юбилея Гете на Западе является прекрасной иллюстрацией к этому положению.

IV

Почти во всех брошюрах и статьях фашистских и националистических критиков мы имеем подчеркивание связи Гете с религией.

Клерикальная критика в полном единстве с общей фашистской линией в отношении Гете постаралась в свою очередь извратить облик Гете, навязать совершенно несвойственную ему религиозность и превратить его чуть ли не в католика. Поповской критике, клерикальным фашистским элементам дела нет до того, как в действительности Гете относился к католицизму и к религии вообще. Это их не интересует. Нужно доказать, что этот величайший мыслитель был связан с церковью. Им нужно использовать юбилей Гете, чтобы усилить все более и более слабеющее влияние религии на широкие общественные слои.

По самым различным направлениям, самыми различными способами ведется эта фальсификация наследства Гете.

Крюгер например выступает с солидным трудом на тему «Религия гетевской эпохи», опубликовав два тома⁴⁰. Гейтнер пишет глубокомысленное исследование «Гете в свете божественного»⁴¹ и т. д. и т. д.

Религиозная пропаганда протаскивается в связи с самыми различными фактами жизни и творчества Гете.

Так П. Фишер очень умело ведет эту пропаганду в своей книге «Последний год жизни Гете»⁴².

Клерикальный «Reichspost» приходит в восторг от этой книги, ибо Фишер якобы доказывает, что в последний год своей жизни Гете полностью отказался от своего «язычества», стал искренне верующим. Этот же «Reichspost» в номере от 21 февраля дает установки для пропаганды религии в связи с юбилеем: «Над падением и хаосом нашего времени возвышаются, подобно звездам, герои умственной жизни, пророки, которые сознательно или бессознательно вещают божью волю и предсказывают нам подъем нашего народа из нищеты и отчаяния. Легко понять, что немецкий народ почитает память своих великих и лучших людей, чтобы со-

вместно в духовном единстве как-то изменить течение времени и направить его в более светлое будущее».

Из этой же газеты мы узнаем, что в берлинском университете под покровительством ректора и академического сената был заслушан доклад доктора Надлера о религиозном начале в Гете. Этот самый доктор, выступивший после доклада о Гете как естествоиспытателе, посвятил свою речь доказательству того, что Гете проделал эволюцию от Канта к Христу: «Спасение человека—не позднейший придаток, оно органически входит в поэзию Гете, только не первого, а второго периода, что служит доказательством, что Гете не был удовлетворен идеалистической теорией Канта. Слова Гете вполне совпадают с нашей верой, когда он требует для спасения человеческого рода божьего милосердия».

В этой же неутомимой газете «Reichspost» от 20 февраля подвизается еще один доктор—доктор Видмар, фальсифицирующий мысли Гете на тему о браке. Видмар конечно не считает Гете язычником, приводя такие потрясающие доказательства, как утверждение католика, духовного магната барона Дальберга о воспитательном значении романа «Избирательное сродство». Доктор Видмар заявляет, что «в то время как духовенство возмущалось безнравственностью этого произведения, католическая Германия с трепетом и изумлением сто лет спустя после смерти радуется католическим высказываниям великого язычника. Здесь можно с уверенностью говорить об *anima naturaliter catolica*».

Но все эти доктора от религии не могут переплюнуть некоего Ганса Пфёртнера, опубликовавшего в Мюнхене брошюрку «Гете и Голгофа»⁴³. Пфёртнер считает совершенно самоочевидным, что Гете был религиозным. Но это он считает недостаточным и «доказывает», что Гете верил абсолютно во все догматы церкви. Эта «симпатичная» книжечка разбита на не менее симпатичные главки. Например: «Гете чувствует необходимость спасителя», «Гете стоит за христианские корни немецкой культуры» и т. п. Заодно Пфёртнер всячески убеждает своих читателей, что Гете был антисемит, связывая это с выдуманной им религиозностью Гете.

Конец книжечки, правда, более печален, чем начало. Несмотря на все усилия, храбрый Пфёртнер не мог, основываясь на произведениях Гете, доказать его религиозную ортодоксальность. Потерпев здесь крушение, он ищет спасения в биографии Гете: «Творчество Гете не всегда соответствует христианскому миросозерцанию, но его образ действия вполне достоин христианина... Суд над христианством Гете мы спокойно можем предоставить богу. Но лозунгом в борьбе с религией и христианством имя Гете может быть использовано только малограмотными и поверхностными людьми».

В полном единении с тем мракобесием, которое переполняет современное буржуазное теоретическое естествознание, Карл-Юстус Обенауер в книге «Гете и его отношение к религии»⁴⁴ старательно фальсифицирует естественно-научные работы Гете, чтобы доказать, что Гете как ученый был религиозен и что его религиозность имела научные основы.

«Поразительно, как Гете удается объединять в себе различные душевные и духовные силы и как ему через это удается никогда не терять

H. R. G. G.
Lett.

Im Gefolge meines früheren Ansehens er-
leidet mich diese Gefälligkeit. Ich war ich
in Lazarett an einem Kranken vom Hospital ein
speziell-gemeinschaftlich abzuhandeln, als ich einen
von demselben Kranken vom Hospital abholte. Ich
sagte dir: mich den Namen des Krankens,
Geburts- und Todeszeit derselben zu erfahren, damit
ich mich danach richten könnte. Das ist also
abends sieben und die Tagzeit durch das Haus
gehen zu lassen.

Geben Sie mir das Saure zu trinken und
lassen mich nach Zeit zu Zeit durch Wasser trinken
so wie ich alle Nacht schlafen

Ammon d. 17. Novbr 1810.

H. R. G. G.
G. G.

жизненного единства. Его сила заключается в том, что как естествоиспытатель он никогда не забывает ту глубину, которой обладает религия, а как религиозный человек никогда не отказывается от исследовательского восприятия. Тот, кто хочет познать его отношение к вопросам религии, не может пройти мимо Гете-естествоиспытателя». Обенауер превращает Гете в пошлого, лицемерного христианина, бессмысленно покоряющегося велениям церкви.

Но даже этот ловкач вынужден отметить, что Гете очень неохотно говорил о религии, и поэтому его религиозное миросозерцание приходится находить в отрывочных высказываниях, разбросанных по всем его сочинениям.

Гете заметил однажды: «Самый вредный предрассудок—думать, что какая-либо отрасль естествознания может быть подвергнута опале». Это бьет именно по Обенауерам, травящим с религиозных позиций дарвинизм, выступающим против материализма в науке, отбрасывающим науку назад к средневековью. Гете-ученый ничего общего с такими своими «друзьями» из клерикального лагеря не имеет.

Таков извращенный облик Гете, подогнанный под требования религиозной ортодоксии, изуродованный и фальсифицированный. Гете Обенауера и других клерикальных критиков так же далек от действительности, как они сами далеки в своей пошлости от гения Гете. Действительное отношение Гете к религии вскрывает Энгельс и совсем иначе характеризует это отношение в статье «Положение Англии» в «Немецко-французских летописях» за 1844 г.: «Гете неохотно имел дело с «богом»; от этого слова ему делалось не по себе; он чувствовал себя как дома в человеческом, и эта человечность, это освобождение от оков религии именно и составляет величие Гете. В этом отношении с ним не могут сравняться ни древние, ни Шекспир. Но эту совершенную человечность, это преодоление религиозного дуализма может постигнуть во всем его историческом значении лишь тот, кому не чужда другая сторона немецкого религиозного развития—философия. То, что Гете мог высказать лишь непосредственно, т. е. в известном смысле и пророчески, то развито и доказано в новейшей немецкой философии»⁴⁵.

На ряду с открыто клерикальными авторами отношение Гете к религии искажается и более замаскированными способами, как это делает Юлиус Баб в книге «Жизнь Гете»⁴⁶. Направление книги определяется следующим программным заявлением Баба: «У нас существует уже много столетий религия, но в ней все больше и больше угасает жизнь. С Гете связывается ощущение, что мы можем зажечь в новой религии, в новом мифе». Гете создал образы борцов с действительностью, неустанных искателей и строителей, как Фауст, Прометей, Мейстер. До этого нет дела Бабу. Гете заявлял, что «не стоило бы достигать семидесятилетнего возраста, чтобы вся мудрость мира была только глупостью перед богом». И мимо этого основополагающего заявления старца Гете проходит Баб, ибо он имеет лишь одну цель: создать облик Гете-смирненника, Гете-покорившегося, Гете-фаталиста и тем самым противопоставить его наследство тем настроениям недовольства современным строем и борьбы с ним, которые все более и более охватывают даже мелкобуржуазные слои. По Бабу выходит, что «Гете воспринимал как внутренний закон души, как божественное здание и как «религию» всякую судьбу, всякое дело этого мира». Филистерство было очень сильно в Гете. Мы зна-

ем, что ему принадлежат и такие высказывания, как «Дельный, энергичный человек, умеи заслужить и ожидай:

От знатных—милости,
 От сильных мира—благоволения,
 От деятельных и добрых—поощрения,
 От толпы—расположения,
 От единичных личностей—любви».

Или:

«Деспотизм вызывает самодеятельность всякого и, требуя от низшего до высшего индивидуума ответственности, побуждает этим в нем проявление высшей степени деятельности». Но видеть только этого веймарского Гете—это значит намеренно закрывать глаза на действительного Гете, с огромным трудом, падая и поднимаясь, но никогда не сдаваясь до конца перед косностью и мраком, пробивавшегося вперед. Это прекрасно выражено им самим: «Я предпочитаю вредную истину полезному заблуждению; истина исцеляет страдание, быть может причиненное ею».

Но Баб видит именно только филистерское в Гете; о его книге можно сказать то же, что Энгельс сказал о книге К. Грюна «Гете с человеческой точки зрения» в письме Марксу от 15 января 1847 г.: «Я переработаю статью о грюновском Гете, сокращу ее до размеров полулиста, максимум трех четвертей листа, и подготовлю ее для нашей публикации, т. е. «немецкой идеологии», если ты это одобряешь, о чем ты должен немедленно мне написать. Книга слишком характерна. Грюн восхваляет всякое филистерство Гете как человеческое, он превращает франкфуртца и чиновника Гете в «истинного человека», между тем как все колоссальное и гениальное он обходит или даже оплевывает до такой степени, что эта книга представляет блестящее доказательство того, что человек равен немецкому мещанину».

Недаром же этот новый Грюн заслужил такие похвалы со стороны всей буржуазной прессы: лакей постарался, ему дали щедро «на-чай». Клевещите, клеветайте, Юлиус Баб, все равно к Гете ваша клевета не пристанет!

Нельзя не вспомнить книги «Гете и загадка мира» Курта Гейке⁴⁷, где подобными же «тонкими» методами Гете превращается в сторонника идеи перевоплощения человека, взятой им у древних христиан. Эта самая «идея» была очень модной в капиталистическом мире еще до войны, но с особой силой она пропагандируется после 1918 г., когда всеобщий кризис капитализма еще более расшатал и до этого неустойчивые скрепы буржуазного общества. Сэр Оливер Лодж, мировой физик, выступил например с книгой «Почему я верю в личное бессмертие», в которой с самым серьезным видом доказывал, что человек имеет существование и после смерти. В том же году он осчастливил мир другой своей книгой на эту же тему, где опять-таки «с научной точки зрения» доказывал бессмертие души⁴⁸. Известный ученый Дриш совмещает свои занятия естественными науками с выполнением обязанностей президента британского общества оккультистов. Берлинский профессор биологии К. Л. Шлейх в своих работах «Проблемы смерти» и «Сознание и бессмертие» утверждает, что душа бессмертна. Правда, это бессмертие возможно лишь при соблюдении некоторых условий, определенно выгодных для герман-

ской промышленности: не есть при жизни иностранных продуктов, «оставаться на своей кучке», т. е. быть националистом, и наконец третий курьез: не позволять сжигать свое тело после смерти, ибо, оказывается, этим будут уничтожены хромосомы, без которых не может существовать душа.

Курт Гейке и Юлиус Баб делают Гете соучастником этих махинаций, но все научное творчество Гете противостоит этому извращению подлинной науки в угоду интересам выродившегося класса. Французская буржуазная критика «дружески» поправляет своих немецких коллег, ибо она фальсифицирует Гете в других направлениях и здесь может позволить себе роскошь «объективности». Бернар Гретюйзен в номере «Nouvelle Revue Française» от 1 марта с. г. дает в статье «Жизнь Гете»⁴⁹ воображаемый диалог между св. Августином и Гете, вкладывая в уста Августина слова, обращенные к Гете: «Все тебе было дано, кроме познания бога». Гете стремится познать реальный мир, но на этом пути, говорит Августин, нельзя встретить бога. Таким образом Гретюйзен утверждает, что философия Гете и христианство несовместимы. Но мы не ошибемся, если скажем, что выступления, подобные статье Гретюйзена, были очень редкими и не имели совсем места в немецкой буржуазной прессе. Гете вошел в юбилей как «язычник» и пантеист, а вышел из него правочерным христианином. Но Гете есть Гете, его произведения нельзя фальсифицировать или уничтожить, и никакие наиболее тщательно разработанные, наиболее мастерские извращения действительного облика Гете не могут помочь устроителям пышных и лживых юбилеев.

V

Буржуазная Франция конечно не могла пройти мимо юбилея Гете. Французский империализм любит надевать на себя маску защитника культуры и цивилизации, прикрывая личиной гуманности политику бешеной подготовки новых войн и интервенций.

Не в первый и не в последний раз крики о культуре, человечности, великодушии и защите слабых и угнетенных прикрывают прямой разбой и уничтожение огнем и мечом всякого, кто осмеливается отказаться от «гуманизма» генеральных штабов.

Юбилей Гете французский империализм блестяще использовал для того, чтобы попытаться вовлечь германскую буржуазию в свои военные планы, чтобы усилить борьбу со Страной советов.

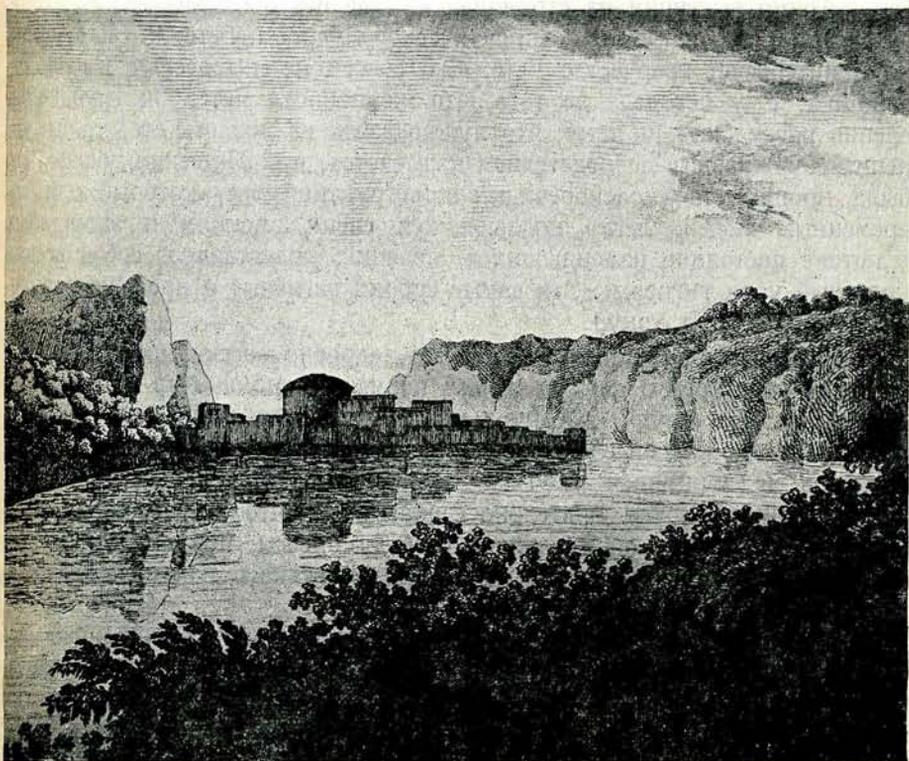
Так орган французского генерального штаба «Echo de Paris»⁵⁰ использовал юбилей Гете для того, чтобы выступить против торговых отношений Америки с СССР, против приобщения «туземцев» колоний к белой культуре, против распространения знаний. Именно в связи с юбилеем Гете газета присоединилась к предложению бывшего французского премьера Кайо обложить изобретения запретительными пошлинами. Гете был одним из великих ученых его времени. Научные работы Гете имели огромное значение для развития науки. Последние главы «Фауста» — это гимн всепобеждающей науке и технике.

До этого нет дела органу интервенции «Echo de Paris». Эта газета по-своему чтит память Гете. Она с наглой откровенностью делает юбилей орудием антисоветской кампании и подготовки интервенции.

Французская буржуазия гордится своей культурой. Но во Франции не появилось не только ни одной серьезной книги, но даже заслуживаю-

щей внимания статьи о Гете в связи с юбилеем. Шуму было много. Французское правительство распорядилось выбить медаль памяти Гете. В Париже был образован особый комитет во главе с Пенлеве для устройства выставки Гете в Национальной библиотеке.

Социал-фашистский «Vorwärts», захлебываясь от восторга, передавал о приготовлениях к чествованию Гете во Франции⁵¹. Но вся эта шумиха не могла скрыть того факта, что буржуазная мысль во Франции оказалась беспомощной перед гением Гете, что ничего, кроме болтовни, не появилось на страницах буржуазной печати в дни юбилея.

Гравированный рисунок Гете.

Воспроизведен в прижизненном Гете издании „Radierte Blätter nach Handzeichnungen (Skizzen) von Goethe“, Hsg. v. Schwerdgeburth, Weimar, 1821

Публичная Библиотека СССР им. Ленина, Москва

Отсутствие действительного понимания Гете привело например к тому, что Национальная музыкальная академия решила восстановить первоначальный оригинальный текст либретто оперы «Фауст» Жюля Барбье и Мишеля Карре⁵². Казалось бы, очень похвальное желание—дать самый подлинный и оригинальный текст либретто оперы. Но дело в том, что этот текст Барбье и Карре является отвратительной, пошлой карикатурой на «Фауста» Гете, и полное восстановление этой пародии на величайшее произведение Гете является пределом издевательства.

Потрясающее впечатление производит статья К. Ф. Рамюза в «La Nouvelle Revue Française» под громким названием «Мудрец»⁵³. В чем же увидел мудрость Гете храбрый француз Рамюз, какие главные пункты

философии Гете выделил он? На чем он останавливал свое просвещенное внимание? Этот центр, эта основа, это главное, по Рамюзу, заключается в том, что Гете был великим буржуа и собственником! Рамюз делает открытие, что мудрец всегда родствен буржуа, а раз Гете мудрец, то он буржуа, а раз он буржуа, то он и мудрец. Эта «философия» чрезвычайно выгодна для Рамюза, ибо нет никакого сомнения в буржуазности этого «мыслителя», хотя никакого, самого отдаленного, намека на мудрость в нем обнаружить нельзя.

Но Рамюз—это поистине «светлая личность» по сравнению с Робером д'Аркуром, которого во Франции считают известным германистом. Робер д'Аркур выступил на страницах «Revue des deux Mondes» в номере от 15 мая с. г., повествуя о «практической мудрости Гете»⁵⁴. Его очень мало интересует творчество Гете. Его совсем не интересуют мысли художника. Ему нет дела до того, что же написал Гете. Он глубокомысленно рассуждает на тему: что нужно взять из жизни Гете, чтобы укрепить буржуазные добродетели. Оказывается, что 83-летняя жизнь Гете была проникнута «красноречивым конструктивизмом, который для современных людей, легко поддающихся своим эмоциям и затерянных в потоке постоянно изменяющихся явлений, представляет собой весьма полезный урок гигиены». Эти самые «уроки гигиены» и преподает трудолюбивый Робер д'Аркур.

В главе «Использование времени» он подробно рассказывает, как Гете сберегал свое время, как он любил порядок, как он был аккуратен и педантичен. Из «труда» д'Аркура мы можем узнать, как Гете наблюдал за хозяйством, как он следил за кухней, как он вел запись мельчайших расходов и занимался другими подобными «творческими» вопросами. Д'Аркур вместе с тем тщательно «доказывает», что Гете стоял за абсолютную власть, что он ненавидел свободу прессы, ибо она оскорбляла его любовь к порядку, что он был против всякого нарушения буржуазного порядка.

Немного же нужно иметь в голове, чтобы прослыть во Франции знатоком Гете! Нужно лишь свести деятельность Гете к ведению приходо-расходных книг и наблюдению за кухней. «Известный германист» и знаток писательских счетов Робер д'Аркур не остается одиноким в своих «ученых» занятиях.

Андре Сюаре в «Nouvelle Revue Française» в статье «Гете универсальный»⁵⁵ не скупится на то, чтобы превозносить гений Гете, его величие, силу, его творчество, высоту его духа. Но смысл этого фимиама заключается в установлении того, что Гете является «духом самой Европы» и и без него Европа была бы пустым словом. «Европа—не только функция чувства, но общая форма разума, и для каждого ума, способного подняться до этой высокой формы, Европа—это необходимая воля». Вот они, столь знакомые идеи пан-Европы! Гете оказывается в трогательном единомыслии с Аристидом Брианом!

Падения и взлеты Гете—это выражение прусского пути развития германской буржуазии. Есть и падения (а их только и видит современная буржуазная мысль), но есть и взлеты, до которых не может подняться современная буржуазия эпохи империализма. Возьмем статью Жерара Бауера из «Nouvelle Littéraire» от 5 декабря 1931 г. под многообещающим названием «Место встречи перед Гете». Какая «трогательная» мысль: перед памятью великого писателя встречаются все народы и все классы,

но это трогательное очень тесно и неразрывно связывается например с такими прозаическими вещами, как Версальский договор, как план Дауэса, как план Юнга, как репарации.

Основная мысль статьи Бауера та, что германец гораздо больше, чем представитель латинской расы, должен бороться с собой. «Юбилей Гете должен быть не только празднованием его памяти. При том беспорядке, какой царит в настоящее время во всем мире, когда все охвачены какой-то смутной боязнью перед чем-то неизвестным и эта боязнь лишает народы даже сознания универсальности духа, свидание народов, каким является юбилей Гете, могло бы получить большое значение. Для своего народа, так же как и для всех, кто уважает Гете, великий германский писатель должен явиться примером сознательно приобретенной мудрости и человеческого достоинства. Неужели будет слишком оптимистично надеяться на то, что великие люди могут оказать влияние на народы? Разве голос Гете утратил то значение, какое он имел 100 лет назад? Не может ли дать нам хотя бы проблеск надежды воскрешение поэта, который написал, что «великие таланты—лучшее средство для примирения»? Бауер призывает Германию к смирению. Он призывает ее к мирному и спокойному отношению к версальским победителям. Да, «место встречи перед Гете»,—только одни стоят на коленях, а другие держат хлыст в руке.

Не менее звучно и красиво озаглавлена статья Жана де Панжа «Сентиментальная жизнь Гете». Статья начинается с лирического описания собрания ассоциации немецких студентов-католиков, где уже известный нам Робер д'Аркур читал лекции о германском и французском романтизме. Жан де Панж с большой нежностью повествует о том, как общаются вместе молодые немцы и молодые французы, какая чисто гетевская атмосфера царит у этих студентов-католиков. Жан де Панж подробно излагает книгу того же Робера д'Аркура «Сентиментальное воспитание Гете», где особое внимание уделяется тем благотворным результатам, которые имела на германскую культуру оккупация Франкфурта войсками маршала де Брогли.

Очень хорошо, что немецкая и французская молодежь может еще общаться между собой вопреки шовинистической пропаганде, но очевидно, что в данном случае это общение превосходно подготавливает порабощение Германии версальскими победителями, втягивание ее в орбиту влияния французского генерального штаба.

Именно из подобного «теоретического» центра и вытекают эти научные исследования Робера д'Аркура о благотворности французской оккупации для развития германской культуры.

По Роберу д'Аркуру выходит, что жизнь Гете была наиболее плодотворной, когда он был связан с представителями французской военщины. Поистине трудно разобраться, где во Франции начинается литературный критик и где кончается офицер.

На этом фоне совершенно понятным становится исследование некоего Бальденшпергера на тему «Гете и орден Почетного легиона»⁵⁸. Орден «Почетного легиона»—это знак отличия, даруемый наиболее свирепым псам французского империализма, наиболее верным слугам капиталистической Франции. Археологические изыскания Бальденшпергера имеют целью поставить Гете в один ряд с этими непочетными кавалерами «Почетного легиона». Настоящий смысл всех этих разговоров об интеллекту-

альной связи Германии и Франции, о заслугах французской культуры в творчестве Гете раскрывает официоз французского империализма «Temps» в номере от 24 февраля с. г. ⁵⁷.

По поводу приготовлений к празднованию гетевского юбилея в Эльзасе «Temps» напоминает, что Гете настолько увлекался французской литературой, что даже колебался, не писать ли ему своих произведений по-французски. «Temps» подчеркивает, что Гете с удовольствием читал французский перевод «Фауста», а часть «Фауста» написал в Страсбурге. На основании «французских симпатий» Гете автор статьи заключает, что Страсбург может «безо всяких задних мыслей» праздновать юбилей Гете. Но, как отмечает автор, «в этих празднествах чувствуется какая-то неловкость, какое-то смущение». «Проклятые автономисты мешают нам отпраздновать гетевский юбилей с надлежащим блеском», цитирует «Temps» письмо «известного страсбургского профессора». «Во всем у нас чувствуется какая-то фальшивая политическая нотка,—пишет этот профессор.—Если я буду говорить о великом писателе со слишком большим пылом, то автономисты скажут: в нем говорит его подлинная природа, а французы подумают обо мне: он немец».

В дальнейшем статья посвящена доказательству того, что автономизм «помрачает умы», ибо затрудняет сближение двух великих наций. «Немцы продолжают вести в Эльзасе германофильскую пропаганду,—утверждает «Temps»,—тогда как французы, оказывается, проявляют широкий либерализм» (?!). Вы сомневаетесь? Ведь даже Пуанкаре, «с бесконечной нежностью относящийся к Эльзасу», нашел, что в школах Эльзаса недостаточно хорошо поставлено преподавание немецкого языка.

Вы видите, что Гете уже прекрасно «работает» на французский империализм. Он оказывается непосредственным сотрудником Раймонда Пуанкаре. Какой откровенный цинизм, какое отвратительное лицемерие!

«Temps» говорит то, чего не говорят всякого рода профессора литературы, стоящие однако на тех же самых позициях.

Несколько иначе по форме высказывается в анкете «Welt-Spiegel» французский посол в Берлине Андре Франсуа Понсе ⁵⁸. Он говорит о гуманизме, но добавляет к нему словечко «новый». Он приглашает к гармонии, миру и равновесию, он благопристоен и чопорен, его ответ «Welt-Spiegel» выдержан в «лучших» традициях буржуазной дипломатии: «Я вижу в жизни и творчестве Гете совершеннейшее и наиболее мощное проявление того, что можно было бы назвать «современным гуманизмом». Но исчерпывается ли этим все значение Гете? Наоборот, я думаю, что если люди и народы, носители западной культуры, откроются для его воздействия, то они еще долго будут находить в Гете секрет того, как им разрешать противоречия своих душ и своей эпохи и превращать их в гармонию, равновесие и мир». Расшифруем же смысл этих прилизанных фраз.

Почему понадобился «новый гуманизм»? Почитайте Гастона Риу ⁵⁹, «гуманистически» обещавшего расстрелять Ромена Роллана, посмотрите «Предательство клерков» Жюльена Бенда ⁶⁰, тренировщика империалистической интеллигенции, дайте себе труд прочесть пухлый том откровенный американских неогуманистов «Гуманизм и Америка» ⁶¹, просмотрите книгу Ирвинга Боббита ⁶², заставьте себя прочитать «философов» итальянского фашизма,—и тогда вы поймете, что «новый гуманизм»—это знамя фашистской реакции, что под маской гуманизма скрываются

Рисунок Гете,
Изображение междучелюстного
шва на черепе
Goethehaus, Веймар

сейчас империалистическо-фашистские литераторы. Именно поэтому Теодор Драйзер и Ромен Роллан борются с неогуманизмом. Но именно поэтому же Понсе рекомендует его для всеобщего употребления, пользуясь юбилеем Гете. Нечего уже говорить о том, какой смысл им вкладывается в пожелания «гармонии» (под протекторатом империалистической Франции!), «равновесия» (в пределах версальской системы!) и «мира» (под покровительством орудия войны—Лиги наций!).

Франсуа Понсе стремится превратить Гете в плоского защитника капиталистической «гармонии» и буржуазного «равновесия». Иное бы сказал теперь сам Гете, еще при жизни протестовавший против превращения его в апологета существующего. Так он заявил Экерману 4 января 1824 г.: «Меня называли сторонником установленного порядка. Будь установленный порядок превосходным, справедливым и хорошим, я разумеется не имел бы ничего против; но так как наряду с хорошим в нем имеется много плохого, несправедливого и неполного, то быть сторонником установленного порядка иной раз не лучше, чем быть сторонником отжившего и плохого». Гете очень хорошо ответил тогдашним и будущим Понсе по поводу неизменности существующего: «Мы познаем время как всякое движение вперед; порядок, почитавшийся совершенством в 1800 г., может быть уже преступлением в 1850 г.»

Специальный гетевский номер «Nouvelle Revue Française» от 1 марта с. г. является показательным для всего направления дискуссии о Гете во французской прессе. Немецкий критик Эрнст-Роберт Курциус в статье «Гете или немецкий классик»⁶³ верноподданнически припадает к стопам буржуазной Франции, он демонстрирует свою скромность и преданность, он дает ясно понять, что определенные круги Германии готовы сотрудничать с буржуазной Францией. Смирение—удел слабых, покорность—это долг бессильных. Курциус старательно подчеркивает, что Гете был универсальной ценностью в области немецкой культуры, чем и привлек к Германии симпатии других национальностей. Курциус на примере

Барреса, отошедшего от Гете, пытается доказать мысль, что для Франции выгоднее не быть такой националистической, ибо тогда она будет ближе к Гете. Если Франция действительно хочет ассимилировать Гете целиком, а не фильтруя его, она должна созерцать Германию под другим углом зрения. Курциус говорит, что он «против пан-германизма, но что он также и против пан-францизма, который заключается в утверждении, что национальная мысль французов олицетворяет все человечество в его чистом, абсолютном виде. Поэтому очень прискорбно, если Франция, чувствуя память Гете, обратится к Гете-человеку, но не к Гете-немцу». Итак, пожмем друг другу руки над могилой Гете, забудем о победителях и побежденных.

Только Андре Жид в статье «Гете»⁶⁴ нашел простые слова для передачи своего личного восхищения гениальностью Гете, тогда как другие авторы в сущности переводят на литературный язык директивы французского генералитета.

Вот например статья Альбера Тибодэ⁶⁵. Германия, по Тибодэ, может дать новых Несторов, которые будут поучать Запад. Но где же находится трибуна для этих Несторов, где же место главного Нестора—место Гете? Оказывается, это место—Женева. Оказывается, нужно сделать Гете председателем в Женеве на 1932 г. и отдать ему этот год на полное попечение. Орудие войны—Лига наций—попала под покровительство Гете, и сам он оказался чуть ли не председателем этого малопочтенного учреждения.

Нельзя не обратить внимания на письмо о Гете Мюнье, исполняющего высокие обязанности почетного каноника Парижа.

Мюнье, католический прелат, как оказывается, преклоняется перед Гете. Он оправдывает свое увлечение тем, что Маргарита и вероятно Миньона—католички, а также тем, что вторая часть «Фауста» заканчивается песнопениями «почти достойными месяца девы Марии». Мюнье прощает Гете его ошибки и заблуждения, но весьма сожалеет, что Гете и Шатобриану не пришлось встретиться при жизни, так как тогда Гете может быть почувствовал бы необходимость искать выше (в небесах) объяснение своего существования.

«После тех бурь, которые разделили два великих народа, я хочу видеть в праздновании столетнего юбилея Гете первую радугу после бури и от всего сердца присоединяю свою дань преклонения перед Гете к ознаменованию памяти Гете».

Видите, как церковь умеет использовать даже такого далекого от христианства художника, как Гете. Мы можем напомнить почетному канонику слова Гете в письме Лафатеру: «Меня нельзя назвать ни антихристианином, ни дурным христианином. Я просто не христианин». Но разве есть дело католическому прелату до действительного Гете? Разве его целью не является извращение облика писателя?! Этот специальный гетевский номер «Nouvelle Revue Française», как и вся буржуазная пресса, не может конечно обойтись без нелепостей и пошлостей. Поистине потрясающую безграмотность демонстрирует некий Дени Сора⁶⁶. Оказывается, Гете почти ничего хорошего не написал, кроме «Ифигении», а «Ифигению» написал только потому, что удачно следовал грекам и французам. «Фауст»—бесформен и абсурден. «Вертер»—глуп. «Герман и Доротея»—воплощение пошлости. Романы Гете нельзя читать. Франция вообще его давно забыла, Англия после смерти Мередита тоже о нем

не вспоминает. Зачем говорить о творчестве Гете,—пусть-ка лучше немцы подумают над тем, чтобы перестать ненавидеть французов и помнить об уроке Гете—о спокойствии и недовольстве особенно!

Выходит, что всякий идиот, который не может понять «Фауста», имеет право во Франции оплевывать его со страниц наиболее «авторитетных буржуазных органов».

Не напрасно ли Роберт Курциус в упомянутой нами статье так подобоостранно подлизывается к буржуазной Франции, которая отвечает ему или пощечиной, как Дени Сора, или же недвусмысленно приглашает выполнить волю французского империализма, как Сюаре или Тибодэ?

Прямое отношение к этому цепкому католику имеет один эпизод, о котором рассказывает Робинсон, в 1869 г. опубликовавший воспоминания о Гете. В 1899 г. Елена Майер по рукописи восстановила места о Гете и опубликовала пересказ в «Deutsche Rundschau». В этих записях Робинсона есть одно любопытное место, раскрывающее отношение Гете к религии.

В разговорах с Робинсоном Гете в особенности восторгался Байроном, которого считал лучшим английским поэтом, и несколько раз указывал на поразительную верность байроновских описаний природы, в которых он нашел только две или три ошибки. Однажды разговор зашел о религии и церкви. Гете держал в руках какой-то цветок, а по комнате летела бабочка. На замечание Робинсона, что всякая правда происходила от бога, а церковь делает ее понятной, Гете сказал спокойно, хладнокровно: «Конечно всякая правда идет от бога, но церковь ее не делает понятной, а только уродует. Бог говорит нам вот через этот цветок, вот через эту бабочку, а каналы патеры и пасторы не понимают этого божьего языка».

К породе таких «каналей» и относится достопочтенный и преподобный отец Мюнье.

Эти высказывания не являются новыми. Еще в 1930 г. была опубликована книга Ипполита Луазо, в которой была развернута концепция французского империализма в отношении Гете⁶⁷.

Книга Луазо—любопытное и тонко смонтированное произведение империалистического литератора. Он разбирает внешне чисто научные вопросы о литературном и культурном влиянии Франции на Гете. Тема его книги—это отражение в творчестве Гете французской культуры. Тема не новая, но ни в одном из исследований по этому вопросу (последнее из них появилось в 1915 г.) не была так выявлена эта тенденция превращения Гете в простого представителя буржуазной Франции. По существу Луазо очень мало интересуется, как отразились на искусстве Гете влияние французских мыслителей и писателей. Он говорит, правда, об этом, но это только форма, скрывающая истинный смысл книги: Ипполит Луазо стремится доказать, что Франция является подлинной колыбелью современной культуры, что только она высоко держит свечеч разума, что только в ней горит настоящее пламя мысли, что только она, эта прекрасная Франция, закладывает основы настоящей литературы и настоящего искусства.

Кто будет отрицать, что современное искусство и литература, несмотря на национальные границы, тесно связаны между собой и влияют друг на друга? Но в другом тенденция книги Луазо. Он хочет показать, что именно Франция и должна быть водительницей народов, что именно

Франция и должна задавать тон всему европейскому, а может быть и мировому оркестру. Мы знаем, что французский империализм неустанно пропагандирует мысль о том, что именно Франция, ее вассалы, как Польша, как Румыния, являются оплотом против варварства, в особенности же против большевистского варварства. Вот задачам этой пропаганды и подчинена «научная работа» Ипполита Луазо.

Он открывает свою книгу следующим заявлением:

«Бесчисленны те немцы, которые в течение истории, а особенно в XVII и XVIII вв., подражали Франции в ее нравах, вкусах и в различных литературных и художественных проявлениях ее национального гения, но очень немногочисленны люди, признававшиеся сами себе в том, чем они ей обязаны, и еще меньше тех, кто признавался бы в этом публично и кто не отомстил бы нам за то, что был нашим должником, клеветца на нас или разыгрывая презрение. Лессинг, Гердер, Менцель—тому наиболее известные примеры».

«Явных друзей» Франции среди немецких писателей можно «пересчитать по пальцам», да и то достаточно их «поскрестить», чтобы убедиться в их «не вполне германском происхождении», как например Гейне и Берне, и в том, что их франкофобия «скорее боевое оружие, чем глубое убеждение». Нередко они «восхваляли Францию из ненависти к Германии или чтобы гальванизировать дремлющее самолюбие своих соотечественников».

Гете «любил Францию искренне и бескорыстно. Он старался отделить наши достоинства от недостатков... Он заботился только о справедливости и он не скрывал того, чем был нам обязан».

Так открывается работа Луазо. А потом начинается разоблачение Гете. Оказывается, что почти каждое произведение Гете или было заимствовано у Франции, или было написано под сильнейшим влиянием французов, или было просто переделкой какого-либо французского произведения, или же, когда Гете писал что-либо неудачное, было направлено против французского влияния.

Если верить Ипполиту Луазо, то можно со спокойной совестью на титульном листе каждого произведения Гете рядом с его именем добавлять имя какого-нибудь французского писателя. Только иногда Луазо позволяет Гете быть оригинальным.

Говоря о раннем творчестве Гете, об увлечении романтизмом и классицизмом, Луазо считает, что Гете здесь просто заимствовал эти свои увлечения у Франции. Выходит так, что романтизм и классицизм имели свою почву не в общественных отношениях эпохи, не в особом положении немецкой буржуазии, но в том простом факте, что романтизм и классицизм были и во Франции.

Луазо готов допустить мысль, что Гете находился под влиянием античности, но тут же добавляет, что, «увлекаясь древностью, он еще больше приближается к нам». Выходит, что, не будь Франции, не было бы и Греции, ибо Франция, по Луазо,—это «внучка Рима и Греции», а Гете начал свои увлечения именно с внучки, перейдя потом уже к бабушке.

Луазо конечно с большим одобрением относится к тому, что Гете выступил против Великой французской революции. Он не пытался хоть сколько-нибудь приблизиться к пониманию противоречивости отношения Гете к идеям Французской революции и к носителям этих идей, но просто зачисляет Гете в аристократы. Беря знаменитый термин Гете «вельт-

литератур» (мировая литература), Луазо и здесь оказывается верен самому себе: «вельтлитератур» означало французскую литературу, и Франция здесь становится олицетворением всего мира. Луазо знает, но не хочет понять слов Гете, сказанных Эжерману 31 января 1827 г. как раз на эту тему:

«Поэзия—это общее благо всего человечества... В наше время выражение «национальная литература» почти утратило свой смысл: настали времена литературы всемирной, и каждый должен работать над тем, чтобы ускорить ее приближение. Француз—пленник идей узких и специфических—долго презирал иноземные народы и литературы, но теперь он знает немцев, англичан лучше, чем они знают самих себя... И французы извлекают наибольшую выгоду из громадного движения, связанного со всемирной литературой, их горизонт расширяется и точка зрения повышается»...

Здесь дается совершенно иное отношение Гете к Франции, бьющее по узколобому шовинисту Луазо. Для Гете французская литература была одной из составных частей мировой литературы. Величие ее было не в том, что она была французской, а в том, что в ней были большие идеи, выраженные в прекрасных формах. Луазо же исступленно пытается доказать, что все французское выше всего, что все то, что было во Франции, достойно чуть ли не обожествления.

Луазо старательно борется за буржуазный порядок. Во всей его работе красной нитью проходит мысль, что чем меньше будет потрясений и смут во Франции, тем больше ее будут ценить другие государства. Например он пишет:

«Гете конечно очень любил Францию, но он наверное любил бы ее еще сильнее, если бы ее политическая история была менее связана со смутой и меньше смущала... Никогда не мог он примириться с двумя противоположными принципами этой политической истории: абсолютизмом и анархией».

Луазо здесь отказывается от наследства Великой французской революции, тогда как именно влияние великих умов XVIII в.—Вольтера, Дидро и Руссо—помогало Гете преодолевать ограниченность духовной жизни Германии его времени.

Совершенно комической является глава десятая, в которой Луазо пытается доказать французскую основу произведений Гете. Опять-таки мы считаем нужным подчеркнуть, что ни в какой степени не думаем отрицать того, что французская литература влияла на Гете. Но нельзя опущать такого большого вопроса. Нельзя путем надерганных примеров показывать, что Гете—просто немецкий переводчик с французского.

Какое дело ему, этому бойкому и продвунному империалистическому литератору, до связи идей Гете с идеями просветителей! Ему важно подчеркнуть всю гибельность революционных потрясений, для него главное—борьба с революцией теперь, защита гибнущего строя любой ценой, в том числе и головой оклеветанного, препарированного, выпотрошенного, как треска, Гете.

Доказательства (если это можно назвать доказательствами) чрезвычайно просты: например во Франции были развиты пасторали, Гете написал пастораль «Амина»,—значит он это взял из французских пасторалей.

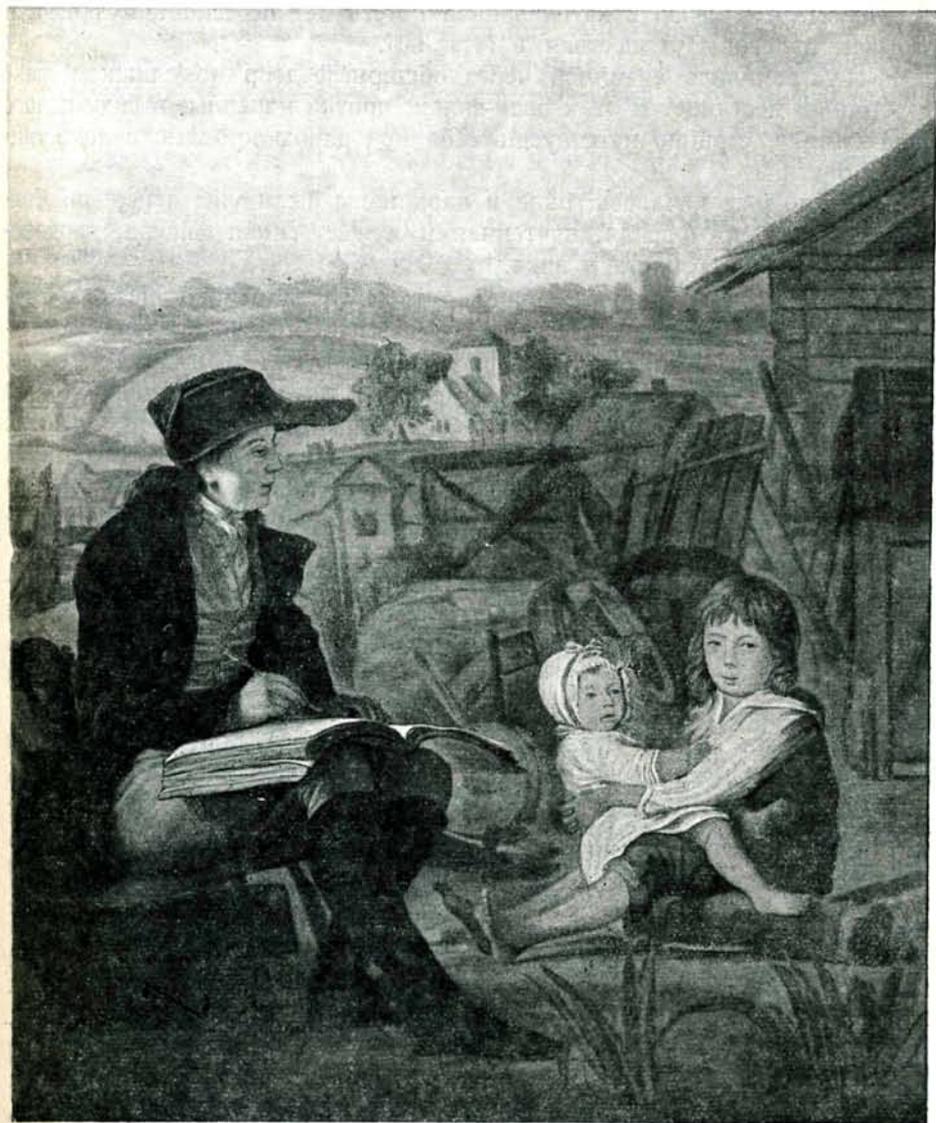
В комедии «Совиновники» хороший диалог. Вывод: это мольеровский диалог. Но имеется отрицание собственной глупости: Луазо сам же го-

ворит, что это можно приписать влиянию Лессинга, тем более, что в отличие от Мольера в конце нет морали.

«Письмо пастора» Гете, где писатель дал свою религиозную концепцию, чем-то напоминает «Исповедь савойского викария». Вывод: значит в последнем и нужно искать корней этого произведения Гете. Луазо развертывает обширную программу офранцузивания Гете. Нет никакого сомнения в том, что великие умы Франции XVIII в. (Вольтер, Руссо, Дидро) и идеи Великой французской революции оказали сильнейшее влияние на Гете, о чем он сам говорил не раз. Мы знаем, что Гете относится отрицательно к тому разрушительному, что было во Французской революции, и написал на нее пасквиль «Генерал революционной гвардии». Но несмотря на это, идеи просветительства, идеи энциклопедистов, идеи Вольтера, Дидро, Руссо, ясно обнаруживаются в его творчестве на всем протяжении его жизни. Но разве это имеет что-либо общее с современной Францией? Разве это влияние не служит лишней иллюстрацией к тому, что современная буржуазия отказалась от своего собственного прошлого, что она отказалась от революционных идей XVIII в., что она идет назад от идей Великой французской революции? Разве что-либо общее имеет современный французский империализм и его апологеты—философы, художники, литераторы, журналисты—с идеями энциклопедистов, с их преклонением перед действительной наукой, с их стремлением к гуманности, к разуму, к истине, к счастью человечества? Никакой общности, никакой преемственности, никакой аналогии.

Стремление французских «литературно-генштабистских» империалистических критиков использовать юбилей Гете для усиления «западной ориентации» Германии, столь выгодной для версальских победителей, не могло не встретить противодействия со стороны Италии. Итальянская фашистская критика выставила контртезис о благотворности влияния Италии на Гете. Уже 28 января 1932 г. в органе фашизма «Пополо д'Италия» была напечатана программная статья «Характер немецкой драмы» Россо ди сан Секондо⁶⁸. Автора интересует не немецкая драматургия, но драма немецкого народа; он делает вид, что его искренне волнуют бедствия Германии, тем более, что в благоденствующей Италии «даже не могут себе представить размеры немецкой трагедии». Секондо готов пролить горькие слезы, но подозрительна эта его жалость. Во-первых, почему он так настойчиво внушает Германии мысль, что «славянское влияние» может лишь повредить Германии, тогда как общеизвестно, что именно СССР (кстати сказать, это вовсе не «славяне», синьор Секондо) является единственной страной, действительно по-дружески относящейся к германскому народу. Но синьор Секондо хитер, он замалчивает эти всем известные факты дружеских связей между двумя великими государствами и уверяет, что «славянское влияние вносит с художественной точки зрения дезорганизацию, присущую русской литературе, с моральной же—полное отсутствие идеалов, которые так нужны как раз теперь, когда нищета готова побороть самые сильные немецкие души». Где же путь спасения? Оказывается, что «громадный ум Гете интуитивно понял и пытался разрешить» подобные же затруднения, «направляя немецкий дух к Средиземному морю». Мы узнаем также, что «Средиземное море означало для Гете синтез, организованность, ясность». И критик-фашист «дружески» советует Германии пойти спокойно в пасть итальянского империализма, ибо «таков был и таковым остается путь спасения».

11 марта 1932 г. Россо ди сан Секондо печатает в той же газете новую статью на ту же самую тему о Гете⁶⁹. Секондо берет на себя смелость утверждать, что большевизм игнорирует и борется с Гете, тогда как именно рабочий класс является настоящим наследником того великого, чем был Гете, и от чего должен отказаться и отказывается родной

Ертер, рисующий детей

Картина маслом чешского художника М. Квадаля, работавшего в России в конце XVIII века (Петербург, 1796 г. Третьяковская Галерея, Москва)

класс писателя. Секондо опять запугивает «славянскими» влияниями, сеющими «зерна морального, художественного и политического растреления», хотя эти страшные слова лишь разоблачают его глубочайшее невежество и такую тупость, которой может позавидовать простая дубинка, не в обиду ей будь сказано. Понятны эти трюки синьора Секондо: он созна-

ется, что германская интеллигенция все больше и больше революционируется и начинает по-новому читать и Гете, «поглощая славянский яд». Как же нужно бороться с этим «ядом»? Рецепт мы уже знаем: «Средиземное море, античная красота и католицизм». Кстати о католицизме, который столь упорно навязывают Гете его современные «почитатели». Гете никогда не был католиком, как он никогда не был христианином. А в связи с католизацией Гете будет небесполезно привести отрывок из его «Путешествия в Италию».

«Мы устремились с толпой через обширный двор по слишком даже просторной лестнице. В этих аван-залах, против капеллы, в виду целого ряда комнат, странно чувствуешь себя под одною кровлею с наместником Христа.

Служение уже началось; папа и кардиналы были уже в церкви. Святейший отец—прекрасная, почтенная и мужественная фигура; кардиналы—различного возраста и вида.

Меня охватило странное желание, чтобы глава церкви раскрыл свои золотые уста и, говоря с восторгом о невыразимом блаженстве праведных душ, привел бы и нас в восторженное настроение. Когда же я увидел, что он только двигается туда и сюда перед алтарем, поворачиваясь то в ту, то в другую сторону, кривляясь и бормоча, как простой поп, то во мне зашевелился прирожденный протестантский грех, и мне отнюдь не понравилось здесь знакомое и обычное дароприношение: ведь Христос еще мальчиком изустно толковал писание и в юношеском возрасте конечно не молча поучал и действовал, так как он говорил охотно, умно и хорошо, как нам известно это из евангелия. Что бы он сказал, подумал я, если бы взошел сюда и застал своего представителя на земле бормочущим и покачивающимся то туда, то сюда? Мне вспомнилось *Venio iterum crucifigi*, и я толкнул своего товарища, торопясь выйти на простор в сводчатые, украшенные живописью залы.

Путешествия Гете в Италию чрезвычайно много дали художнику, он вырвался из узкого круга Веймара, ближе подошел к действительности, его кругозор еще больше расширился, он сформулировал тогда с большой полнотой свое понимание античного искусства, правильно указав, что тайна его необычайной гармонии и красоты заключается в близости к природе, к действительности, в отсутствии христианского лицемерия. Но разве эта сторона интересует Секондо? Послушайте этого литератора: «Только на берегах Средиземного моря может найти Германия самое себя. В противном случае она погибнет...» Он считает, что это приобретает особый смысл теперь, «когда легионы Гитлера вдохновляются средиземным гением Муссолини». Вот где зарыта собака синьора Секондо! Гитлер и Муссолини—вот портреты, для которых он рисовал эти идиллические средиземноморские пейзажи. Гете здесь оказывается идейным соратником Гитлера.

Присяжный философ фашизма Джентиле также развил подобную же концепцию в «*Berliner Tageblatt*»⁷⁰, второпях причислил было Гете к католикам, но одумался и сам сознался, что Гете относился к католицизму отрицательно (номер от 23 марта с. г.).

Никак нельзя сказать, чтобы попытки французского или итальянского империализма были успешны. Немецкая пресса очень сдержанно отнеслась к французским империалистическим литераторам, особого энтузиазма не вызвали и предложения прекрасной Италии стать утопленником

в таком античном и культурном море, как Средиземное. Немецкий посол в Италии конечно должен был распространиться насчет благотворности влияния Италии в своем ответе на речь Муссолини, но дальше дело не пошло ⁷¹.

Положительный отзыв «Deutsche Rundschau» о книге Ипполита Луазо также не сделал погоды; французский империализм не сумел много заработать на юбилее Гете: задушенная версальской системой Германия не верит в эти галантные расшаркивания перед Гете.

Эпоха империализма—это эпоха загнивания и гибели революций. Загнивающий класс, умирающее общество, гибнущий строй, качающийся и шатающийся порядок—разве это есть основа для расцвета философии, искусства, литературы?! Нет! Это оковы для мысли, для движения идеи, для развития самой жизни искусства. Это смерть культуры. Это ее гибель. Отсюда эта боязнь техники, эта боязнь машины, наиболее ярко выраженная Шпенглером, который выступает против «фаустовской души», понимая под этим научное отношение к миру. Обратно к средневековью!—вот лозунг современного буржуа, раздавленного всеобщим кризисом. При чем здесь Гете? При чем здесь его философия? В какой связи находится его дерзкая мысль с этим погибающим классом? Нет этой связи! Величие Гете не для его буржуазных потомков, не для его наследников.

Гете не вмещается в рамки современного капиталистического общества. Он их расшатывает. Он пугает своей колоссальностью. Нужно его принизить. Нужно его смять. Нужно его превратить просто в человека, который ведет приходо-расходные книги, который любит свой дом. Нужно сбросить его. Нужно растоптать глубину его мышления, исковеркать всю остроту его ума. Из огромного, всеохватывающего, универсального и необычного нужно сделать обыденным, домашним, уютным, не тревожащим. Какая лакейская цель, какая куриная психология, какая слепота класса, стоящего на краю пропасти! Сколько издевательства над Гете было в эти дни гетевского года, сколько непонимания, сколько нежелания думать, сколько намеренного искажения, сколько ненависти к тому великому, что было в нем, сколько мелких и грязных целей, сколько необычайно ничтожных потуг заставить Гете быть бечевкой, стягивающей расшатанный остов гибнущего общественного строя!

... Так отпраздновал капиталистический Запад столетие смерти великого художника, снова похоронив его, предав уничтожению его наследие, растоптав его гениальное творчество, по-варварски грубо, торгашески, со звериной ненавистью к великому отнесясь к тому, что создано было им, этим величайшим художником. И только наша страна, только Союз Советских Социалистических Республик, отметила годовщину так, как это подобает, так, как этого заслужил гений Гете. Только рабочий класс сумел подойти к Гете с подлинной серьезностью и настоящим пониманием. Это отношение очень хорошо выразила «Klassenkampf» ⁷²:

«Буржуазия праздновала год назад Гегеля, теперь она празднует Гете. Поток приготовлений, которые в большинстве случаев являются коммерческими предприятиями самого худшего качества, исходит из общества, которое уже утратило свои производительные силы.

Только пролетариат может постигнуть глубокие противоречия в творчестве Гете. Буржуазия его никогда не могла понять. Она пытается

сейчас выдергивать из Гете отдельные места, которые ей наиболее подходят. Отпугнутая непокорным гением Гете, она рабски преклоняется перед всем мелким, недалеким в его таланте, всем, что было вызвано «немецкой жизнью». Год Гете служит буржуазии, особенно немецкой, новым предлогом, чтобы прикрыть остатками своей юности разложение старости. Обвиняют предка, который, несмотря на все недостатки, был колоссом силы и здоровья, в том, отчего сами гниют».

Ромен Роллан, революционный художник, искренний и мужественный друг Советского союза, поднял свой голос в защиту наследства Гете и сорвал маски с капиталистических торгашей, с продажных писак, с гнусных прислужников империалистической буржуазии, с фашистской критики, с представителей цивилизованного варварства. Его прекрасная и глубокая книга «Умирай и созидайся»—достойный ответ всей этой своре капиталистических гончих, травящих Гете и торгующих его наследством. Словами Романа Роллана рабочий класс отвечает тому Западу, который гниет и заражает вселенную своим гниением, который обречен на смерть, на уничтожение, на гибель:

«Истина в том, что будет, но никогда не в том, что умерло и осталось позади. Потому-то его мысль и воля всегда направлены к восходящему солнцу. Веймарский Гете может дожидаться его на месте, возвещая о нем. Но Гете-Фауст идет к нему навстречу и отвоевывает его у ночи. Не он ли сказал бессмертное слово умирающего Фауста:

«Лишь тот достоин свободы и жизни, кто должен ежедневно их завоевывать».

И это слово—наше знамя. Оно развевается над всеми революциями и за пределами их. Ибо всякая революция намечает себе цель и останавливается на ней. А умирающий Фауст все еще подвигается вперед, всегда будет подвигаться. Знамя его—знамя постоянной революции, которая вечно идет на приступ, борясь с роком, и день за днем насильственно отвоевывает у него новый клочок истины.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. статью «Soll das Goethe-Jahr 1932 gefeiert werden?» Mit Beiträgen von: Prof. Herbert Cysary, Paul Ernst, Emil Ludwig, Thomas Mann, Rudolf Pannwitz, Wilhelm Schäfer, R. A. Schröder, Prof. Karl Vossler, Prof. Oskar Walzel, Jakob Wassermann.—«Die literarische Welt», Freitag, 18 September 1931, Nr. 38.

² «Goethe und Buchhandlung».—«Berliner Börsen-kurier», 20 April 1932, Nr. 72.

³ Ответ Jacob'a Wassermann'a напечатан в газете «Die literarische Welt», Freitag, 18 September 1931, Nr. 38.

⁴ Ответ Rudolf'a Pannwitz напечатан там же.

⁵ Ответ R. A. Schröder'a напечатан там же.

⁶ Ответ Thomas'a Mann'a напечатан там же.

⁷ Ответ Karl'a Vossler'a напечатан там же.

⁸ Ответ Oskar'a Walzel напечатан там же.

⁹ M. Ruchner, Zum 100 Todestag Goethes.—«Kölnische Zeitung», 24 September 1931, Nr. 521 (S. 2).

¹⁰ Fritz Engel, Goethe-Jahr.—«Berliner Tageblatt» (Morgen Ausgabe), Mittwoch, 14 Oktober 1931, Nr. 484 (S. 15).

¹¹ См. статью—S., Kulturbau und Goethe-Jahr.—«Die literarische Welt», Freitag, 16 Oktober 1932, Nr. 42.

¹² Мнение R. A. Schröder'a см. в «Die literarische Welt», Freitag, 18 September 1931, Nr. 38 (S. 7).

¹³ См. об этом «Исторический Вестник» 1889, т. LXXVIII, отд. «Новости и мелочи», стр. 375.

¹⁴ Paul Kühn, Die Frauen um Goethe. 2 B-de. Mit vielen Tafeln. Graz: Das «Bergland-Buch». Deutsche Vereins-Druckerei (1932).

¹⁵ H. Houben, Ottilia von Goethe. Leipzig, 1932.

¹⁶ Alfons Paquet, Frau Rat Goethe und ihre Welt. Englert und Schlosser in Komm., Frankfurt a. M. 1931, S. 180.

¹⁷ Wilhelm Schäfer, Goethes Geburtshaus. Frankfurt a. M. Deutsche Volkshende j. Goethes Geburtssätze, 1932, S. 45.

¹⁸ L. Farnoux-Reinaud, Goethe.—«L'Ordre», 22 mars 1932, Nr. 824.

¹⁹ A. v. Pflugk, Die Brille in der Goethezeit.—«Deutscher Almanach» 1932, S. 145—147.

²⁰ Эта «ученая» работа вызвала даже возмущение в правых кругах Германии. На нее обрушился между прочим бывший баденский премьер-министр Willi Helpach, опубликовавший в «Berliner Tageblatt» возмущенную заметку о круге научных интересов германского юношества.

²¹ «Ein übersehener Vetter Goethes».—«Kölnische Zeitung», 13 Januar 1932, Nr. 24, S. 2.

²² Gräfin Sophie v. Arnim, Goethe und Fürst Pückler. Dresden, Zahn und Jaensch, 1932.

²³ См. заметку «Goethe in der Kinderfürsorge».—«Die Rote Fahne», Sonntag, 24 Januar 1932, Nr. 19 (S. 10).

²⁴ Статья «Auch eine Goethe-Reklame».—«Kölnische Zeitung», 28 Januar 1932, Nr. 54, S. 2.

²⁵ См. об этом в газете «Haus und Grundeigentum», 24 März 1932, Wien. Также заметку «Goethe den Hausbesitzern» в газете «Klassenkampf», Sonnabend, 26 März 1932, Nr. 72 (S. 4), Halle.

²⁶ Речь напечатана, см. Ricarda Huch, Goethe in unserer Zeit.—«Die Literatur» (Monatsschrift für Literaturfreunde), hrsg. v. Ernst Heilborn, Stuttgart, Oktober 1931, S. 32 ff.

²⁷ Heinrich Mann, Wir feiern Goethe.—«Berliner Tageblatt» (Morgen Ausgabe, 1 Beilage), Montag, 22 März 1932, Nr. 138 (S. 2).

²⁸ Содержание речи заимствуем из корреспондентской заметки «Hauptmanns Goethe-Rede», напечатанной в «Berliner Tageblatt» (Abend Ausgabe), Mittwoch, 2 März 1932, Nr. 105 (S. 7).

²⁹ Reinhard Goering, Goethe und die Zeit.—«Die Literatur» (Monatsschrift für Literaturfreunde), hrsg. v. Ernst Heilborn, Stuttgart, März 1932, Heft 6, S. 305.

³⁰ Romain Rolland, Stirb und Werde. J. Engelhorn's Nachf., Stuttgart, 1932; на русском языке статья «Умирай и созидайся» была перепечатана в III книге «Красной нови» за 1932 г. Орывок был кроме того напечатан в «Литературной газете» в № 14 (183) от 23 марта 1932 г.

³¹ Josef Buchhorn, Zwischen Goethe und Scheidemann. Weimarer Einzdrucke, 2 Aufl. Statpolit. Verlag, Berlin, 1919.

³² «Goethe und Hindenburg».—«Vossische Zeitung», 3 Februar 1932, Nr. 57 (S. 7).

³³ Телеграмма напечатана под заголовком: «Der Reichspräsident zur Goethe-gedenkfeier» в газете «Berliner Tageblatt» (Morgen Ausgabe), Montag, 22 März 1932, Nr. 138 (S. 2).

³⁴ Rudolf Campe, Goethe, der Deutsche.—«Vossische Zeitung», 29 Januar 1932, Nr. 49 (S. 9).

³⁵ Harry Mauns, Goethe und Bismark. Ein Wort an die akademische Jugend. Festrede geh. am 18. Januar 1932.—«Marburger Akademische Reden», Nr. 52, Marburg, 1932.

³⁶ Ernst Schruppf, Der nationale Goethe. Ein Wegweiser für unsere Lage. München, J. F. Lehmanns Verlag, 1932.

³⁷ «Die Literatur» (Monatsschrift für Literaturfreunde), hrsg. v. Ernst Heilborn, Stuttgart, Januar, Heft 4, S. 211.

³⁸ Walter Linden, Goethe und die deutsche Gegenwart, Berlin, Deutsches Verlagshaus, Bong, 1932.

³⁹ См. об этом в упомянутой выше статье Josef'a Buchhorn'a «Zwischen Goethe und Scheidemann», Berlin, 1919.

⁴⁰ Gust. Krüger, Die Religion der Goethezeit. (Vorträge), Hbgn. Mohr, 1931, S. 155.

- ⁴¹ Oskar Geithner, Goethe im Lichte des Göttlichen. Eine Betrachtung s. Weltanschauung u. Religion. 3 vollst. umgearb., bed. erw. Auflage. Dessau. Salzmann, 1931, S. 112.
- ⁴² Paul Fischer, Goethes letztes Lebensjahr. Weimar, Böhlau, 1931, VIII—171 S. mit I Facs., 9 Taf.
- ⁴³ Hans Pförtner, Goethe und Golgatha. Flugschriften der Christlichen Wehrkraft, Nr. 3. Verlag Paul Müller, München (1932), S. 13.
- ⁴⁴ Karl-Justus Obenauer, Goethe in seinem Verhältnis zur Religion. Verlegt bei Eugen Diederichs in Jena, 1923, S. 242.
- ⁴⁵ Фр. Энгельс, Положение в Англии. Соч. К. Маркса и Энгельса, т. II, М.-Л., 1929, стр. 345.
- ⁴⁶ Julius Bab, Das Leben Goethes. Eine Botschaft. 4 vielfach verbr. Auflage Erich Weibezahl Verlag, Leipzig, 1932, S. 120, mit 9 Abb.
- ⁴⁷ Kurt Geucke, Goethe und das Welträtself. Verlag der Concordia, Deutsche Verlagsanstalt, Berlin, 1932, S. 108.
- ⁴⁸ Sir Oliver-Joseph Lodge, Phantom walls, № 9, 1930.
- ⁴⁹ Bernard Groethuysen, La vie de Goethe.—«La Nouvelle Revue Française» 1 mars 1932.
- ⁵⁰ «Goethe».—«Echo de Paris», 22 mars 1932.
- ⁵¹ «Vorwärts», 28 Januar 1932, Nr. 46, B. 23, S. 3.
- ⁵² См. об этом в музыкальной хронике Henri Malherb'a (La musique. Chronique musicale), помещенной в «Temps», mercredi, 3 fevrier 1932, p. 3.
- ⁵³ C.-F. Ramuz, Le sage.—«La Nouvelle Revue Française» (Hommage à Goethe), 1 mars 1932, pp. 414—420.
- ⁵⁴ Robert d'Harcourt, La sagesse pratique de Goethe.—«Revue de deux Mondes», 15 mars 1932, pp. 343—347.
- ⁵⁵ André Suarès, Goethe l'Universel.—«La Nouvelle Revue Française» (Hommage à Goethe), 12 mars 1932, pp. 378—413.
- ⁵⁶ F. Baldensperger, Goethe et légion d'honneur.—«La revue de Paris», 15 mars 1932, Nr. 6, p. 369.
- ⁵⁷ «De Goethe à l'Alsace».—«Temps», mercredi, 24 fevrier 1932, Nr. 60, p. 1.
- ⁵⁸ Это высказывание напечатано в журнале «Der Welt-Spiegel», März 1932, Nr. 10.
- ⁵⁹ Gaston Riout, Europe—ma patrie, 1927.
- ⁶⁰ Julien Benda, La trahison des clercs, 1927.
- ⁶¹ «Humanism and America», edited by Norman Foerster, New-York, 1930. Essays on the outlook of modern civilisation.
- ⁶² «Democracy and Leadership» by Irving Babbitt, L., 1927.
- ⁶³ Ernst-Robert Curtius, Goethe ou le classique allemand.—«La nouvelle Revue Française» (Hommage à Goethe), 1 mars 1932, pp. 321—350.
- ⁶⁴ André Gide, Goethe. Там же.
- ⁶⁵ Albert Tibaudet, Le Président. Там же.
- ⁶⁶ Denis Saurat, Goethe aujourd'hui. Там же.
- ⁶⁷ Hippolite Loiseau, Goethe et la France, Paris, 1930, pp. 354.
- ⁶⁸ Rosso di san Secondo, Il carattere di drama tedesca.—«Il popolo d'Italia», Milano, 28/I Gennaio 1932, Nr. 24.
- ⁶⁹ Rosso di san Secondo, Dalla Valfurraal l'Empireo.—«Il popolo d'Italia» Milano, venerdì 11 Marzo 1932, Nr. 61.
- ⁷⁰ Giovanni Gentile, Goethe in Italia.—«Berliner Tageblatt» (Morgen Ausgabe), Montag, den 22 März 1932, Nr. 138.
- ⁷¹ Речь немецкого посла v. Schubert'a, напечатанная в «Il popolo d'Italia», Milano, martedì 5 Aprile 1932, Nr. 82.
- ⁷² «Goethe». Zum 100 Todestag Goethes.—«Klassenkampf», Halle, Dienstag, 22 März 1932 (S. 9).